

Юлий Войнарович

**Свет
далеких
вершин**
(книга воспоминаний)

Трудно петь о горах,
Если знаешь, что спето немало,
Но сложнее не петь,
Если знаешь, что спето не все.

ББК 84.4 (Укр = Рос) 6
В 65

Войнарович Ю.Б.

В 65 Свет далеких вершин / Войнарович Ю.Б. — Донецк :
Норд-Пресс, 2011. — 160 с.

По профессии и призванию я — географ.

В жизни мне выпало счастье много путешествовать по родной стране, встречаться с интересными людьми, знакомиться с удивительными человеческими судьбами. За многие годы в памяти накопилось множество фактов, событий, образов. Весь этот материал, пропущенный через горячее сердце и пылкое воображение, вошел в сюжеты моих рассказов.

Все персонажи, представленные в сборнике произведений, — реальные люди, с которыми мне довелось встречаться, жить рядом и работать, или о которых мне поведали мои друзья и знакомые. Их жизненные ценности и душевные качества были созвучны моим, и я собрал рассказы о них и дарю читателям с надеждой, что эта книга поможет им в формировании собственной личности.

Фото на обложке — Фанские горы.

В книге использованы фото из архива автора.

Автор принимает читательские отзывы,
заказы на книгу и спонсорские предложения
для печати последующих книг по телефону: 095-108-22-25

© Ю. Б. Войнарович, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Ночь. Бессонница (стих).....	4
Глава 1. Зов далеких вершин	6
Горы и люди (стих)	10
Глава 2. Рождение первой любви	12
Есть у нас на Востоке... (стих).....	18
Глава 3. Первое свидание с горами	20
Первая вершина (стих)	21
Глава 4. Свой человек в горах	25
Незнакомки открывают лицо (рассказ).....	26
Загадка перевала «Четырех» (рассказ).....	29
Песня высоких гор (рассказ).....	33
Какого цвета горы (стих).....	38
Глава 5. Дети Земли	40
Все мы – чьи-то дети (рассказ).....	42
Полуночный плов (рассказ).....	45
Глава 6. Чувство вины (рассказ)	49
Глава 7. Ночные приключения (рассказы)	57
Глава 8. И нельзя повернуть назад (повесть)	73
Глава 9. Азия в сердце моем	89
Каскеленская ночь (стих).....	90
Жемчужины Северного Тянь-Шаня.....	92
Тянь-Шанское притяжение (стих).....	96
Памиро-Алай. Фанские горы – хранители людских сердец.....	98
Сияние озер и дальний свет вершин... (стих).....	105
Безымянные исполины Каравшина.....	107
Каравшинские тропы (стих).....	112
Экзаменует перевал Кшеммыш.....	114
На «чердаке мира».....	120
Глава 10. Легенды и были гор	123
Тайна «Черного Альпиниста» (рассказ).....	123
Баллада о тепле (стих).....	132
Хазор-Меч – заповедник непознанного (рассказ).....	136
ЛЮБИМЫЕ ОБРАЗЫ ГОР	145
Глава 11. Я без гор, горы без меня (стихи)	155
Воспоминание о перевале Бугойчат.....	156
Руки гор.....	157
Нас сдружила с тобой.....	158
Я закрою глаза, вспомню снова Кавказ....	159

* * *

Ночь. Бессонница. Сон не приходит опять.
Позабыли дорогу ко мне сновиденья.
Обступили вершины меня,
и с тревогой
Смотрят в душу мою со стены,
Что-то шепчут, склонившись,
как птицы,
Красуясь своим снеговым опереньем.

Не топтала нога моя
ваш белоснежный покров,
Убежден: выше вас может быть
только синее-синее небо,
Рассказать, что даете вы мне –
не найду подходящих я слов,
Но когда мы встречались,
счастливее в жизни я не был.
Шхельда, Ушба, Гулари, могучий Эльбрус,
Повелитель Тянь-Шаня – красавец Кан-Тоо,
Никогда, даже в мыслях своих
не стремился я вас покорить.
Я сотрудничал с вами,
я просто вас очень люблю.
Бескорыстие – вот нашей дружбы сердечной основа.
Вы сейчас от меня далеко-далеко,
Суждено нам теперь не общаться.
Мне без вас стало жить нелегко,
Но сдаваться не буду я, братцы!..
Ночь. Бессонница. Мне все не спится опять.
Позабыли дорогу ко мне сновиденья.
Обступили вершины меня
и с надеждой глядят со стены,
Тихой песнею гор
возрождая во мне вдохновенье.

* * *

Тянь-Шань. На леднике Аксу

ГЛАВА 1

ЗОВ ДАЛЕКИХ ВЕРШИН

Мой друг рисует горы,
Далекие, как сон,
Зеленые озера
Да черточки лесов.
А рядом шумный город
Стеной со всех сторон,
А друг рисует горы,
Далекие, как сон.

Мой друг – он друг отвесным
Холодным ледникам,
Он друг отважным песням
Да редким маякам.
Он любит горный ветер,
Раздумья до зари,
Он любит горы эти
Товарищам дарить.

И в ясный день, и в горе
Упрямо верит он,
Что есть на свете горы,
Далекие, как сон.

Эти трогающие душу замечательные стихи взяты мной из любимой песни. Написала ее Ада Якушева – зачинатель бардовской песни шестидесятых годов. В песне Ада пишет об одном из самых лучших сыновей нашей планеты Земля – Юре Визборе, а мне кажется, что и обо мне. Это сейчас рядом со мной «шумный город стеной со всех сторон». А ведь еще совсем недавно я возвращался из 65-го по счету в жизни свидания с миром синих вершин и белых ледников, намотав на личном «спидометре» около 12 тысяч километров пешего пути.

Горам я посвятил 50 лет своей жизни, горы зовут меня к себе и сейчас. Я из тех людей, кто полюбил горы с детства и остается преданным им до конца своей жизни.

Я много размышлял о том, почему так сильно люблю горы? И мне казалось: причина в том, что первый шаг и все раннее детство я провел в самых красивых горах моей Родины – Алтайских. Но многочисленные встречи в горах с людьми, которые родились и всю жизнь прожили на равнине, но ежегодно стремятся к горным вершинам, заставили меня искать другие причины.

Если перелистать страницы биографий выдающихся людей за всю историю человечества: политических деятелей, полководцев, ученых, писателей, художников, поэтов, музыкантов, не говоря уже о географах и путешественниках, то можно проследить один и тот же факт: горы играли в их жизни первостепенную роль, вдохновляя на творчество и открытия.

Но, ведь, горы полны опасностей, природных сюрпризов, человека здесь постоянно подстерегают всякие неожиданности. Да и само хождение в горах является тяжелым физическим трудом, а большая высота над уровнем моря неблагоприятно влияет на здоровье и самочувствие человека.

Так почему же, несмотря на все это, люди стремятся в горы? «Потому что горы существуют», – говорил Джордж Мэллори, известный альпинист.

«Горы ставят трудные задачи. В их преодолении развиваются настойчивость, смелость, воля к победе, а также организованность и точность». – говорил академик О. Ю. Шмидт.

часть пальцев рук и ног. Виталий не только вернулся к полноценной жизни, но и сумел продолжить занятие альпинизмом, совершив десятки восхождений на сложные вершины, в том числе на самую труднодоступную вершину Тянь-Шаня – пик Победы, на придуманных им самим протезах.

И, наконец, пронзительные признания Володи Высоцкого: «Лучше гор могут быть только горы, на которых еще не бывал!»

И в то же время: «Умный в горы не пойдет, умный горы обойдет». Как же совместить все это?!

Строки про «умных» взяты из стихотворения «О восхождении на Клухорский перевал Кавказа» Сергея Михалкова, известного нам с детства, как «Дядя Степа». Они стали очень популярны, и широко известны всем категориям людей. Только всякий раз, когда их произносят, почему-то забывают продолжить эту фразу, как написано у Михалкова: «Как приеду в Теберду, так опять сюда прииду».

Говорят, что горы – Родина Человечества, и зов гор – это зов предков. Есть сведения, что древнейшие цивилизации Земли зарождались в горах, и горы хранят в себе заветные тайны истории развития человеческой жизни на нашей планете.

И все-таки: почему люди ходят в горы?

* * *

ГОРЫ И ЛЮДИ

Врезаны в небо дикие скалы,
Меж ними лишь ветры жандармами рыщут...
Что с давней поры здесь люди искали?
Что с каждым годом все больше ищут?

Не ради зрелищ и ломтя хлеба
Идут тяжело они метр за метром
Туда, где в крепких объятьях неба
Всю жизнь спорит камень с водой и ветром.

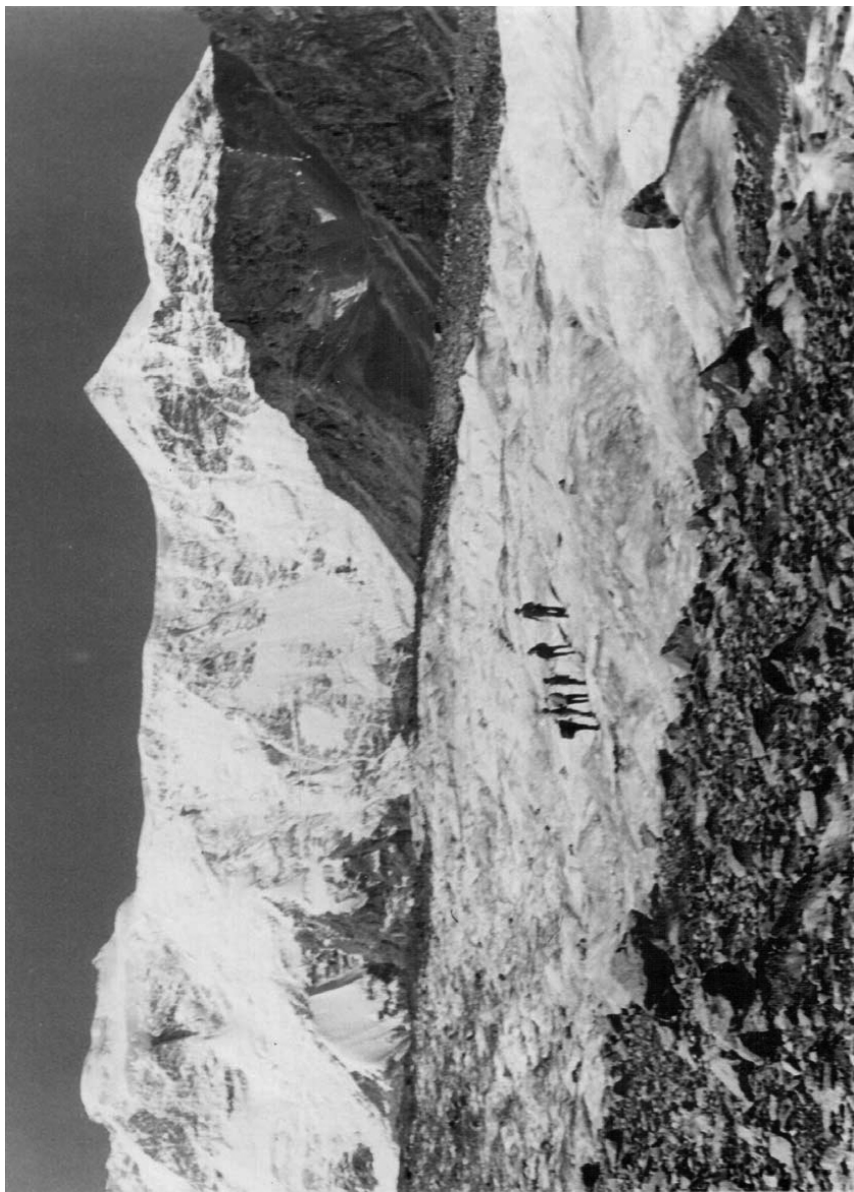
Не в поиск слащаво-сиропного рая,
Не для геройского звона медали
Уходят они из обжитого края,
Чтоб глянуть с вершин на планетные дали.

И каждая взятая пядь земная
Здесь с боем ложится под стертые кеды.
Здесь сердце, от радости замирая,
Над миром гремит барабаном победы.

Здесь души людей наливаются солнцем,
Становятся ярче, звончей и кристальной,
Мечта распахивает оконца
Из тесных комнат к созвездьям дальним.

Скалы взметнулись орлиным взлетом.
Потоки света рождают звуки...
Люди идут к свои высотам,
И горы протягивают им руки.

* * *

Безенгийская Ледяная Стена

ГЛАВА 2

РОЖДЕНИЕ ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

Первая любовь пришла ко мне в раннем детстве.

Нет, это были не чувства к маленькой девочке Людмилке, с которой я играл, ползая подолгу за жучками с длинными усиками и черными пятнышками на красной спинке, этих жучков взрослые почему-то называли «козачками». Предметом моей первой любви стало что-то большое, чистое, ослепительно белое, неожиданно вошедшее в меня, завладевшее моим сердцем, душой, сознанием. Мы тогда переехали из Украины в Казахстан, поселились в небольшом поселке Донское на берегу притока Иртыша – Бухтармы. И в первый день жизни на новом месте, выйдя рано утром на крыльцо нашего деревянного дома, я увидел в лучах восходящего солнца ЭТО. Очарованный, потрясенный, даже немного испуганный, я схватил маму за руку, прижался к ласковой ладони и заглянул в ее глаза.

– Мама, что это? Там, далеко?

– Это горы, сынок. Это горы. Алтайские горы. – мама нежно обняла меня за плечи. – Видишь, какие они красивые. Самое прекрасное, что есть на Земле. И с этого дня каждое утро, выходя на крыльцо, я подолгу не мог оторвать взгляд от сияющих золотом белых вершин Алтайских Белков, от парящей над ними королевы гор – вершины Белухи.

Так я впервые влюбился в горы, и несу эту любовь через всю свою жизнь. Но я был очень маленьким, а горы были так далеко, поэтому наше близкое знакомство тогда не состоялось. И только

благодаря моей маме любовь к горам во мне не угасла, а разгоралась и крепла все сильнее и сильнее.

Мама моя была удивительной женщиной. С возрастом она сохранила детское восприятие окружающего мира и передала это свойство мне. По профессии врач, она страстно любила природу, все живое, боготворила красоту. Она собирала и дарила мне красивые камни, составляла гербарии цветов и трав, дома у нас постоянно жили разные животные и птицы, даже маленький мышонок в клетке. Всю жизнь, как драгоценность, я храню засушенные мамой два легендарных алтайских цветка: «Марьин корень» (пион) и знаменитый «жарок» – «огненную» купальницу. Первой книгой, которую она прочитала мне, был «Всадник без головы» Майн-Рида, неизвестно как попавшая в наше село. Эта книга зародила во мне мечту о путешествиях. Я научился по ней читать и потом ее много раз перечитывал, даже выучил наизусть и рассказывал своим сверстникам. Других книг в селении не было.

Мне исполнилось пять лет, когда началась Великая Отечественная война.

Отец мой с первых дней войны воевал в Кавалерийской дивизии генерала Панфилова. В сражении под Москвой был тяжело ранен, и от смерти его спас верный друг – любимый конь Орлик, доставивший его с поля боя в медсанбат. С тех пор к лошадям я питаю особые чувства.

И хотя наше селение находилось в нескольких тысячах километров от места боевых действий, мы испытывали большие трудности и голод. В селе остались только старики, женщины и

дети, на плечи которых легли все тяготы сельского труда. Работали по правилу: «Все для фронта, все для Победы!». Даже маленькие дети трудились в меру своих возможностей: подбирали упавшие колоски на полях после уборки урожая серпами, чтобы больше хлеба было солдатам, собирали два дикорастущих на лугах растения: кок-сагыз и тау-сагыз, из которых на заводах получали природный каучук для изготовления резины, идущей в оборонную промышленность.

От войны в мою память запали два события: приход писем с фронта и весть о Великой Победе. Солдатские «треугольники» приходили в село редко, надолго задерживаясь в пути. Я бойко разговаривал по-казахски, и переводил неграмотным казашкам написанные по-русски полковыми и ротными писарями письма от мужей, сыновей, братьев. Но чаще приходили письма в квадратных конвертах, и в них лежали «похоронки». Измученные долгим ожиданием писем от родных мужчин, шли в наш дом женщины селения: русские и казашки, украинки и татарки, и просили меня поставить любимую пластинку. У нас дома был патефон и немного граммофонных пластинок, привезенный сюда с Украины. И среди них была пластинка с песенкой Дженни из довоенного кинофильма «Остров сокровищ». Так вот эта песня стала самой любимой у солдатских матерей, жен и сестер нашего села.

* * *

Я на фронт тебя провожала,
Над страной гремела гроза.
Я тебя провожала,
Но слезы сдержала,
И были сухими глаза.

За правое дело
Спокойно и смело
Иди, не боясь ничего.
Если ранили друга,
Сумеет подруга
Врагам отомстить за него.

Там, где кони по трупам шагают,
Где всю землю окрасила кровь,
Пусть тебя охраняет,
От пуль сберегает
Моя молодая любовь.

За правое дело
Спокойно и смело
Иди, не боясь ничего.
Если ранили друга,
Сумеет подруга
Врагам отомстить за него.

* * *

Прослушают женщины много раз эту песню, наплачутся и уходят по домам, работать и ждать весточки с фронта, пока снова станет невозможным ожидание, и тогда опять идут они к нам за песней.

Так мы жили все годы войны, и горы мне уже не казались солнечными и радостными, как прежде. Они скорбили вместе с людьми, переживая военное лихолетье.

Скорбные дни настали и для меня и старшей сестры Виктории. Сильно простудившись, умирает от воспаления легких наша мама, за ней две маленьких сестренки: Валя и Галя. Мы выжили только благодаря материнской заботе казахских и русских женщин, наших односельчан. С той поры казахи стали для меня таким же родным народом, как украинцы и россияне.

Особенно сильно после смерти мамы опекала меня и сестру старенькая наша соседка – бабушка Сухова, местная колдунья и знахарка. Она вложила в мою душу понятие, ставшее путеводной звездой в моей жизни: «Все на нашей Земле живое, и сама Земля живая, как мы с тобой, – повторяла не раз бабушка Сухова. – Люби и береги Землю, и она воздаст тебе сторицей. А горы, что высятся над нами, – это приемники звездной силы. Хочешь стать такими, как они, иди к ним всегда с уважением и любовью»...

Майским днем пришла к нам долгожданная Победа в проклятой войне. Весть о победе ворвалась в мою жизнь на вороном коне в образе казахского мальчишки. Мы в тот день всем селом рвали зеленую траву на лугах для наших кормилиц – коров, настолько отощавших без корма за зиму, что не могли они уже сами стоять на ногах, и были подвешены на веревках в стойлах коровника.

И вдруг мы увидели бешено мчавшегося к нам со стороны села всадника. Женщины сразу заволновались, думая, что в селе что-то случилось, и побежали навстречу всаднику. Это был казахский мальчонка, скачущий к нам на лошади без седла. Пуговицы его красной рубашки расстегнулись или оторвались, и

она полыхала на ветру за его спиной алым знаменем. Малыш, не переставая, кричал нам что-то по-казахски, но мы не слышали. Только через несколько мгновений до нас донеслось радостное слово: «Победа!». Мальчишка повторял его без конца, пока люди не бросились обнимать друг друга, плача и смеясь одновременно. И тучи над далекими горами мгновенно рассеялись, и яркое солнце засияло на темно-голубом небе. Вместе с Победой в моей жизни наступили большие перемены. Приехавший в отпуск отец отвез нас с сестрой к тете в Харьков, где меня приняли сразу во второй класс начальной школы № 38. И я с головой окунулся в океан доброты и любви, знаний и открытий, творчества и созидания. Еще не сознавая это, я готовил себя к предстоящей дружбе с горами, потому что дружить с ними можно только на равных. А маленький поселок в предгорьях Казахского Алтая и его жители заложили для этого крепкий фундамент в основание моей личности, предопределили мою судьбу.

* * *

Есть у нас на Востоке селенье такое,
Где я мир окружающий стал познавать,
Где впервые, мальчишкой, раздолье степное
Полюбил я всем сердцем, как Родину-мать.

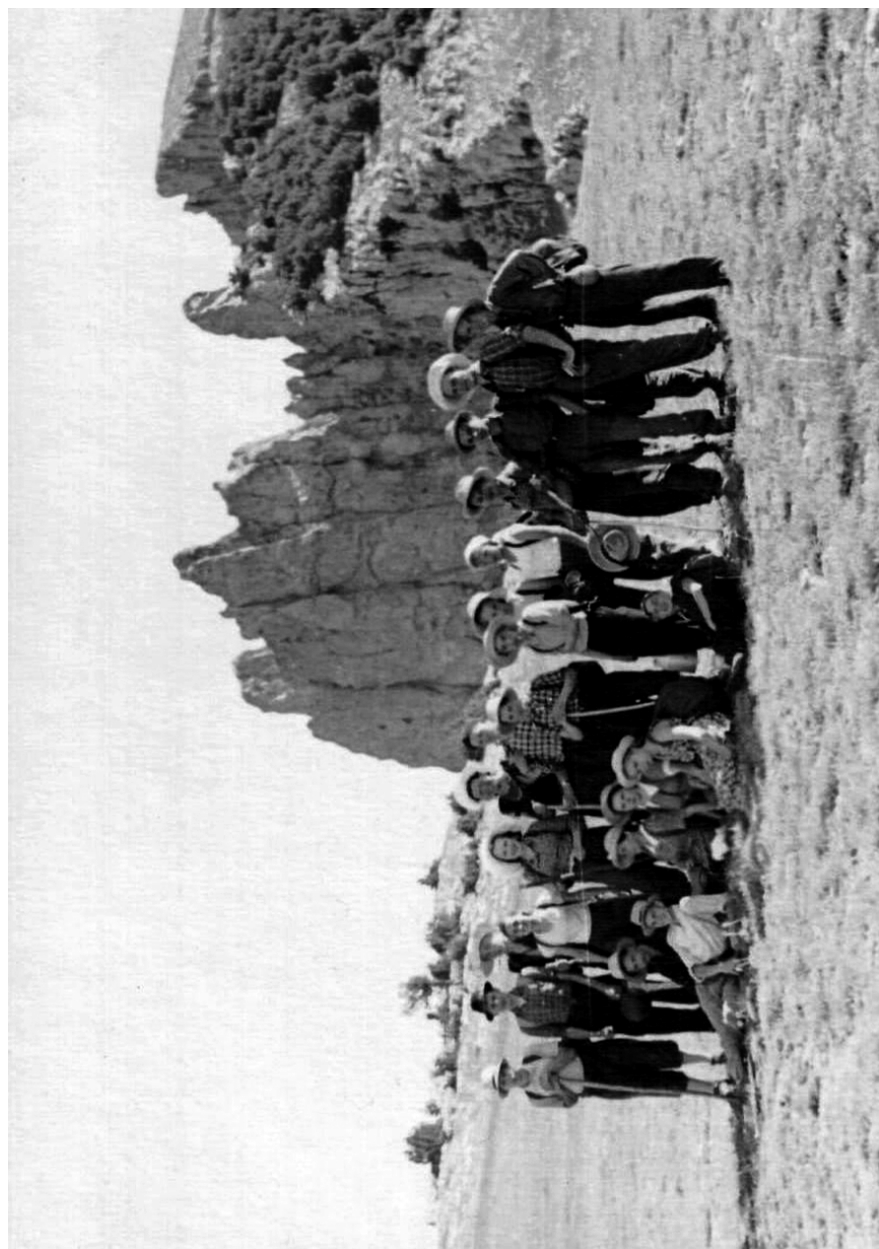
Там природа мне тайны свои открывала,
Звали к светлым вершинам Алтая хребты,
Там в душе моей юной любовь созревала
К миру, полному чистой, большой красоты.

Я вдыхал сочный запах лугов Прииртышья,
И ласкал меня ветер ковыльных степей.
С той поры не люблю я и в жизни затишья,
Не люблю я покоя в сердцах у людей.

С той поры много дней, много лет пролетело,
И немало воды в Иртыше утекло.
Я по жизни шагаю теперь уже смело,
И нет дела, какое б меня не влекло.

Но все так же, с годами любя все сильнее,
С благодарностью буду я степь вспоминать,
Где я понял, что нет в целом мире роднее,
Чем моя ненаглядная Родина-мать.

* * *

Крым. Вершина Ай-Петри

ГЛАВА 3

ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ С ГОРАМИ

Только через девять долгих лет я снова увидел «живые» горы. Я учился тогда в средней школе № 132 города Харькова, и после окончания девятого класса был включен в отряд школьных туристов, совершивших поход по Крыму под руководством нашей «географини» Татьяны Семеновны. Крым очаровал и пленил меня, пробудил во мне тягу к путешествиям, всколыхнул дремлющие чувства любви к горам. Крымские горы один поэт назвал «самыми домашними горами». Лучше и не скажешь. Наверное, нет на Земле более уютных и милых гор, чем горы Крымского полуострова. И я очень благодарен судьбе, что именно горы Крыма стали первыми моими горами в жизни, подарившими мне свою дружбу.

Со времени моего первого похода прошло полвека, но в памяти по-прежнему свежи образы природы Крымских гор. Да разве забудешь Зубцы вершины Ай-Петри, разноцветную гальку Коктебеля, лазурные бухты Карадага и Нового Света, гигантский провал Большого Каньона, где правый и левый берег долины в верховьях сходятся до расстояния равного чуть больше ширины плечей среднего человека, а глубина Каньона достигает трех сотен метров. Навсегда остаются в памяти причудливые скалы Долины Привидений на склонах горы Демерджи, скальный гребешок Таракташ на скале Ай-Петринской яйлы, обращенном к морю, таинственные пещеры Чатыр-Дага, другие великолепные творения природы Крыма, и созданные человеческими руками памятники истории и культуры народов Крымского полуострова.

...Потом у меня будет еще 64 встречи с горами Кавказа, Тянь-Шаня и Памира, горы полюбят меня, я стану своим человеком в горах. И этим я обязан Крымским горам – самой дорогой мне частице нашей планеты, с которой начался мой долгий путь к высоким вершинам.

* * *

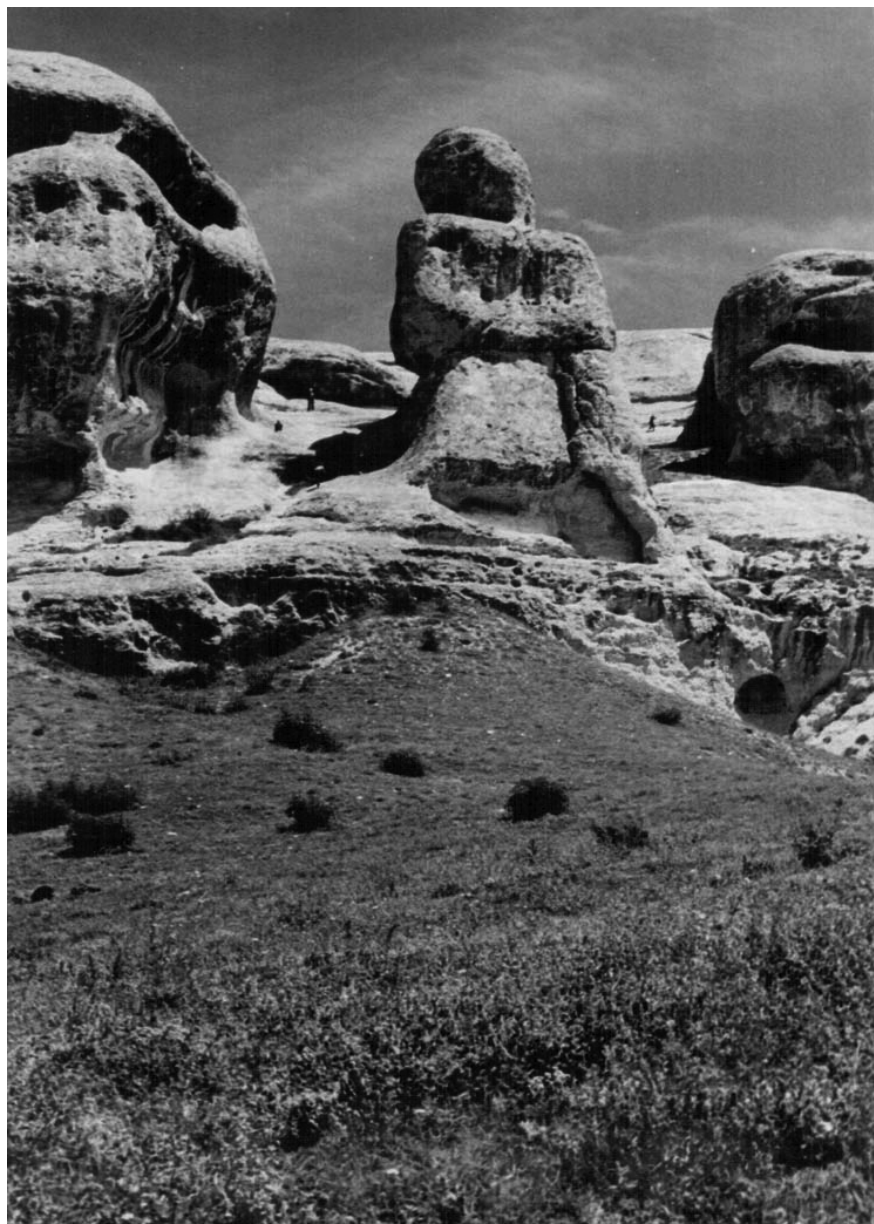
ПЕРВАЯ ВЕРШИНА

Я стих начинаю о Крымской вершине,
Впервые друзьями и мной покоренной
Как символ Победы, живет она ныне
В душе моей, в синие горы влюбленной.

Ее я увидел в селе Соколином:
Могучий «орел» свои «крылья» расправил
Да так и застыл вдруг в порыве орлином,
К высотам стремлений своих не оставил.

И мы на высокие «крылья» поднялись,
И сами как-будто орлятами стали:
Совсем другими себе показались –
Внезапно все сразу повзрастали.

* * *

Стражи Крымских гор

На леднике Щуровского. Памир

Памиро-Алай. В центре Дугобинской «Подковы»

ГЛАВА 4

СВОЙ ЧЕЛОВЕК В ГОРАХ

«Я убежден, что все люди на Земле делятся на две категории: свой человек в горах и чужой человек в горах».

(Слава Шутов – юный путешественник, ставший своим человеком в горах и мастером спорта по альпинизму)

После многократного общения с горами я понял, что горы являются живым организмом, наподобие всего живого, что есть на нашей планете, и это укрепило мою веру в то, что и сама Земля – живая, мыслящая, способная радоваться и печалиться, быть ласковой и гневной, справедливой и жестокой.

Горы, как и люди, когда ты впервые приходишь к ним в гости, долго присматриваются к тебе, прежде, чем подружиться с тобой, или равнодушно отвернуться от тебя. Помню, в первые годы моих экспедиций горы тщательно изучали меня: что я за человек и зачем пришел к ним? Они ставили передо мной все новые и новые испытания, для прохождения которых требуется большая сила духа, ибо только она способна одержать победу над физической сущностью человека.

Вскоре мое сотрудничество с горами переросло во взаимную любовь и дружбу. Я почувствовал, что горы приняли меня, как своего, открывая мне сокровенные тайны, допуская в уникальные уголки своей обители, оберегая меня и помогая в трудные минуты.

Я стал СВОИМ ЧЕЛОВЕКОМ В ГОРАХ. И чтобы вы в этом убедились, я поведаю вам о двух событиях из моей экспедиционной практики. В те годы спутниками моими в горных походах были школьники: мальчишки и девчонки из детской любительской киностудии «АСЮТ-фильм», которую я создал в нашем городе.

«НЕЗНАКОМКИ» ОТКРЫВАЮТ ЛИЦО *(рассказ)*

Однажды прибегает ко мне мой ученик, тринадцатилетний мальчишка Юра Антушевич, и, задыхаясь от волнения, выпаливает:

– Вы знаете, я сделал открытие: оказывается на Кавказе, в Сванетии, есть две вершины с романтическими именами – Белая Незнакомка и Черная Незнакомка. Давайте сходим к ним летом и познакомимся. Я так хочу их увидеть! – И смотрит на меня таким молящим взглядом.

Я знал, что на этого мальчика сильное впечатление произвела картина художника Крамского «Незнакомка», и мне стало понятным его желание увидеть горные вершины с таким именем. Упрашивать меня было не надо, тем более что я тоже не видел этих вершин. И летом мы отправились к Незнакомкам.

В селение Зесхо в долине одноименной речки мы приехали уже после обеда. Вышли за село и прошли вверх несколько километров. Солнце уже клонилось к закату, когда мы ставили лагерь для ночлега. Вершины на Главном хребте закутались облачным покрывалом, готовясь ко сну «Незнакомки» были где-то

там, за стеной облаков. И увидеть их нам предстояло только утром следующего дня. Ночью пошел унылый морозящий дождь. Он шел без перерыва пять дней.

На шестой день моросить перестало, но вершины по-прежнему скрывались в густой пелене облаков. На следующее утро мы пошли дальше по маршруту, так и не увидев Белой и Черной Незнакомок. Я понял: горы испытывали нас, ведь большинство моих юных, спутников встречались с горами впервые.

Через год, когда пришло время составлять маршрут новой горной экспедиции, ребята попросили меня включить в план посещение района, где находятся таинственные «Незнакомки». Новый отряд почти целиком состоял из ребят – участников прошлогодней экспедиции, и я согласился. Все повторилось точь-в-точь. С вечера мы сначала любовались невероятными красками горного заката, поставив лагерь на том же месте за селением Зесхо. Потом долго не расходились по палаткам, не в силах оторвать взгляд от звездного неба.

В середине ночи пошел дождь. Только теперь вода низвергалась настоящим Ниагарским водопадом. Но мы мужественно пели веселые туристские песни, не обращая внимания на «мутные струйки», которые так медленно стекают за воротник, кап-кап и по спине». В такие минуты и родился наш любимый афоризм: «Мы плюем на погоду, погода плюет на нас – обе стороны довольны». На третий день непрерывного дождя, когда в палатках и на одежде не осталось ни одного сухого места, я предложил уйти из этого гнилого угла Кавказа. Но ребята заявили,

что не покинут это место, пока не увидят «Незнакомок».

Утром четвертого дня дождь прекратился, выглянуло солнышко. Только вершины по-прежнему были скрыты от нас облачным занавесом.

Обедать мы расположились на подсохшем пригорке недалеко от палаток. Я сидел спиной к скрытым в облаках вершинам. Юра сидел напротив меня и с аппетитом уплетал традиционный обед: килька в томатном соусе с сухарями. И вдруг он как подскочит с воплем:

– Смотрите! Скорее! Вершины!

Я оборачиваюсь и вижу, как облачный занавес начинает медленно разрываться по вертикали, как-будто его кто-то вспорол острым ножом. Обе половинки «занавеса» отодвигаются вправо и влево, и перед нашим взором предстают во всей красе обе «Незнакомки» – Белая и Черная. Описать их великолепие невозможно, их надо увидеть. Очарованные открывшимся видом, ребята замерли на несколько мгновений, а затем дружно бросились к палаткам за аппаратурой. Через минуту защелкали затворы фотоаппаратов, затрещала кинокамера. И когда был снят последний кадр, обе половинка облачного занавеса снова сомкнулись, закрывая от постороннего взгляда необычайную красоту двух горных вершин. И больше они нам не открывались: ни в этот день, ни на следующее утро, когда мы уходили дальше по маршруту. Но Белая и Черная Незнакомки навсегда остались в кадрах наших фото и кинопленок, в нашей памяти. Видно, горы стали считать нас своими друзьями, раз показали нам то, что не каждому дано видеть.

ЗАГАДКА ПЕРЕВАЛА «ЧЕТЫРЕХ»

(рассказ)

Нас было всего трое: со мной были мои верные юные друзья – Саша Гнитецкий и Таня Бесчастная, с которыми я прошел уже не одну сотню километров по Памиро-Алаю. Мы совершили 20-дневный маршрут по Коллекторскому хребту Дугобинской Подковы, подробно обследовали долины рек Змеиная, Улитор, Дугоба-Шигоу, Сумерташ-Даван и Гаджир.

Маршрут был не из легких. Бесконечные длинные и крутые подъемы, такие же спуски, все склоны покрыты подвижными каменными осыпями – таков был наш путь. Но наградой за все эти трудности были великолепные виды, открывающиеся с перевалов и гребней, плюс все время сухая погода и невиданное для Памира обилие растительности в средних и нижних частях долин. И еще большое радушие и гостеприимство местных жителей, кочующих здесь со своими стадами. Все это вызывало огромное эстетическое наслаждение и моральное удовлетворение, постоянное ощущение радости и счастья. Но самую большую радость я испытал, когда оказался один на один с каменистой высокогорной пустыней.

Было это в долине Сумерташ-Даван. Поход подходил к завершению. Надо было возвращаться домой. Нас было трое, а для выхода в «цивилизацию», как мы называли населенную местность, я выбрал перевал «Четырех». И этот «четвертый» незримо сопровождал нас все последние экспедиционные дни.

О перевале «Четырех» сведения у нас были скудные: точка на карте, высота 4000 метров над уровнем моря, категория сложности – 1 Б. Не было данных о крутизне склонов, наличия ориентиров, мест для стоянок, а главное, о существовании источников питьевой воды. Горы здесь сложены известняками и мраморами, поэтому вся вода с поверхности уходит на глубину, и многие реки в отдельных местах то исчезают, проваливаясь вглубь, то появляются снова на поверхности. Из-за подобного явления нам уже дважды по двое суток приходилось быть без воды. Мы слышали, как вода журчит глубоко под камнями, но добраться до нее не было возможности. Поэтому нужна была разведка перевала.

В полдень мы подошли к месту, где от главной тропы по долине ответвлялась вправо едва заметная тропка в сторону перевала «Четырех». На следующий день я планировал сходить с ребятами на ледник в верховьях Сумерташ-Давана, где по описаниям на моренных осыпях ледника можно найти превосходные образцы технических гранатов. Поэтому я решил поставить на развилке троп лагерь и оставшееся время суток посвятить разведке перевала» Но была одна проблема: нас было трое и среди нас одна девочка. Взять с собой на разведку Сашу и оставить Таню одну в лагере было нельзя, а взять Таню и оставить Сашу – тоже неприемлемо, ведь неизвестно, какие трудности ожидают нас на тропе. Поэтому я пошел один.

Через два часа подъема я оказался в горной котловине в окружении хребтов и вершин. Казалось, горы сомкнулись впереди меня и за спиной. Вокруг были только камни, камни, камни,

настоящее царство больших камней: склоны и дно котловины были покрыты обильными каменными россыпями. Я посмотрел на часы и понял, что подойти к перевалу, или хотя бы к тому месту, откуда он виден, до темноты не успею. Надо было возвращаться назад. И тут я почувствовал сильную усталость и присел на обломок скалы. Заходило солнце за гребень хребта. Горы всегда прекрасны на закате, но такой красоты я еще не видел. Воздух был таким свежим и прозрачным, что казалось, звенел, как сосулька во время капли. А вокруг стояла такая же звонкая тишина.

Я прикоснулся ладонями к теплой скале, и вдруг почувствовал себя так прекрасно, как никогда. Казалось, я растворился в окружающем пространстве, стал частицей этих скал, этих гребней и вершин, обломков камней, лежащих повсюду, этого звонкого воздуха и цветных облачков, плывущих над горами. Было состояние какой-то легкости, невесомости. Я не чувствовал совсем своего тела, парил, как птица, мне было так радостно и хорошо. Такого состояния я еще ни разу не испытывал, И тут я увидел седловину перевала «Четырех», весь подход к нему, причудливую скалу справа от седловины, и вокруг необычайной формы и красоты вершины. Весь подход к перевалу был забит осыпями камней, открытой воде нигде не было.

Я глянул вниз и увидел себя, сидящего на обломке скалы. И сразу же пропало ощущение невесомости и парения. Я почувствовал вес своего тела... и поднялся с камня.

Солнце уже зашло за хребет и било из-за него лучами прожекторов. Зрелище было фантастическое, и я пожалел, что не

захватил с собой фотоаппарат. Поспешил назад, и горы разомкнулись передо мной.

К палатке спустился уже затемно. В том, что видел перевал, я не сомневался. Поэтому рассказал Саше и Тане об условиях подхода к перевалу, о красоте гор в его окружении. И об отсутствии воды на всем пути.

Следующие полдня мы провели на леднике, выискивая среди камней образцы технических гранатов. В лагерь спустились к обеду. И тут я решил сходить еще раз наверх, откуда вчера видел перевал «Четырех», чтобы сфотографировать увиденные накануне изумительные пейзажи. Каково же было мое удивление, когда с того самого места, где вчера сидел на обломке скалы и любовался красотой местности, я не увидел ни перевала, ни прекрасных пейзажей. В поисках их я поднялся на скалистый гребень, откуда мог быть виден перевал, прошелся по гребню вправо и влево на значительное расстояние, но перевала так и не увидел. Вернулся в палатку расстроенный и сомневающийся в том, видел ли перевал вообще. Но ребятам о своих сомнениях не рассказал.

На следующее утро, едва начало светлеть небо, мы пошли к перевалу. На его седловину поднялись, когда солнце уже скрылось за горизонтом. Свою палатку мы поставили у той самой причудливой скалы, которую я видел два дня назад. Да и все детали подъема и местности в районе перевала были точно такими же. Я был просто потрясен этим фактом. Увидеть перевал с того места, где отдыхал, сидя на обломке скалы, я не мог: он был закрыт склоном котловины и боковым хребтом. В этом убедился, когда мы

поднимались на седловину. Значит, я все-таки парил над горами и с высоты видел перевал и его окрестности. Значит, меня кто-то поднял вверх, чтобы показать перевал. Но кто: горы? инопланетяне? Создатель? Я думаю, что горы. Ведь мы друзья, а друзья всегда помогают друг другу.

ПЕСНЯ ВЫСОКИХ ГОР

(рассказ)

У людей, живущих и работающих в экстремальных природных условиях, есть вера в спасительный талисман в виде загадочных живых существ, приходящих на помощь в трудную минуту. Шахтеры верят в старца, который бродит под землей по горным выработкам и выводит на поверхность попавших под завалы горняков, указывая путь звоном колокольчика. У моряков – это юная девушка, бегущая по волнам, и еще «песня синих морей», которую поют лежащие на дне утонувшие моряки, вселяя надежду на спасение потерпевшим кораблекрушение.

У геологов такая песня появилась сравнительно недавно, в наши дни – это песня-талисман, песня-клятва Александры Пахмутовой «Геологи», где есть такие необходимые слова:

А путь и далек и долог,
И нельзя повернуть назад.
Держись, геолог, крепись, геолог, –
Ты ветра и солнца брат.

Альпинистам придают мужество и помогают одержать победу над собой горные песни Володи Высоцкого, особенно две песни из кинофильма «Вертикаль»: «Песня о друге» и «Вершина».

Но это песни, сложенные людьми большой души и горячего сердца. А я верил, что у гор должна быть своя песня, такая, как «песня синих морей». И однажды мне посчастливилось эту песню услышать.

Я работал тогда в экспедиции Харьковского Отдела Географического Общества СССР, изучающей современные ледники Кавказа. Наш отряд в составе начальника Ивана Петровича Снегура, студентки Милы Шумаковой и автора этих строк только что закончили обследование ледников долины Горалы-кол Тебердинского заповедника. Следующая долина, куда мы должны были проникнуть, – Назалы-кол, не имела общих доступных перевалов с Горалы-колом. А обход со спуском вниз, а затем подъемом к ледникам Назалы-кола был длинен и утомителен. Поэтому Ваня решил подняться в верховья Назалы-кола через одну из седловин на гребне разделяющего долины хребта. Седловина эта находилась высоко над нами и на пути к ней были крутые скалы. Скальных крючьев у нас не было, поэтому применять веревку для страховки мы не могли. Лезли наверх, цепляясь за выступы скал руками и ногами, как первые восходители два века назад. Продвижение наше замедлялось еще и тем, что Мила была маленького роста, и наши мужские «зацепки» ей не подходили: она просто не доставала руками до выступов скал, за которые хватались мы с Ваней. То и дело приходилось искать промежуточные

выступы скал, а при их отсутствии просто подставлять для девушки свои плечи или прижимать к скале ладонь, на которую Мила становилась, чтобы дотянуться до верхнего скального выступа. В результате на седловину поднялись в полночь. По ту сторону все пространство было заполнено густым туманом, и только интуиция и опыт Вани Снегура помогли нам спуститься на какую-то небольшую ровную площадку и заночевать на ней в спальнях мешках.

Наутро площадка оказалась льдом небольшой лужицы. А когда глянули вверх, откуда мы спускались, то поздний страх овладел нами. Хорошо, что спускались в темноте. При свете дня мы бы по этим сыпучим скалам не спустились.

Оглядевшись, мы увидели перед собой те же вершины Горалы-кола, что были над нами вчера, и поняли, что в Назалы-кол не попали, а перевалили из Горалы-кола в Горалы-кол, поднявшись в небольшую висячую долинку, не отмеченную на нашей карте. Но мы не огорчились, так как в этой долинке обнаружили красивое, не известное никому озеро и еще не открытый никем ледник. На правах первооткрывателей мы стали давать названия. Седловину назвали «перевалом Трех», а озеру единодушно дали имя «озеро Тани» в честь моего погибшего друга. Ледник получил порядковый номер и индекс в Каталоге ледников Кавказа, как положено.

Лед на этом леднике оказался необычным: стальная лопатка ледоруба при ударе по нему отскакивала с металлическим звоном, как от металла, не оставляя на льду даже слабой царапинки. Лед был очень плотный и по структуре монолитный, без всякого намека

на кристаллы. По-видимому, это был очень древний ледник, сохранившийся со времен Ледникового периода. Мы целый день наносили на карту и обследовали этот ледник, поэтому остались ночевать у озера.

Под утро Ваня разбудил меня и шопотом сказал:

– Одевайся быстрее, пойдем слушать песню гор. Спросонья я ничего не понял. Но когда мы поднялись на ледник и сели недалеко от глубокой ледниковой трещины, Ваня снова шопотом сказал:

– Сиди тихо и слушай. Сейчас горы будут петь Гимн восходящему солнцу.

Только услышать эту песню горы позволяют тем людям, которых они считают достойными этого. Вот и проверишь, какой ты человек на самом деле. Мы замерли, вслушиваясь в сиреневый туман, висящий над нами. В морозном воздухе стояла тишина, какая может быть только в горах. И вот первые лучи солнца поцеловали пробуждающиеся вершины, и они зарделись алыми маками от смущения и радости. Туман над нами из сиреневого становился все более золотистым, постепенно растворяясь в лучах восходящего солнца. Солнечные зайчики, проскочившие между утренними облачками, весело побежали по белому телу ледника. И вдруг в тишину вплелся голосок маленького серебряного звоночка. За ним другой, третий... Это сосульки, свисающие синей бахромой по краям ледниковой трещины, начали таять, и капельки воды одна за другой забарабанили по упругому древнему льду. Вскоре к звоночкам капли присоединилось шуршание сползающих по льду мелких камешков и песка, запели звуками скрипок побежавшие по

ледяному ложу ручейки талой воды, застучали крупные камни, сталкиваясь друг с другом в бурлящих потоках, заскользил вниз с большей скоростью сам лед, разрываясь на перегибах ложа. Огромный оркестр под названием «ледник» исполнял необыкновенную симфонию, мелодию которой не сумел бы записать нотами самый талантливый, композитор. Я сидел, очарованный, потрясенный, счастливый. И Ваня, глядя на меня, торжественно произнес:

– От души поздравляю тебя, Юра! Ты стал еще одним человеком, кому горы подарили свою песню. Сохрани в себе ее мелодию до конца дней своих. И я вот уже полсотни лет храню в памяти не только песню гор, но и образ замечательного человека, альпиниста и географа, исследователя гор Ивана Петровича Снегура, моего друга и наставника, рано ушедшего из нашего мира.

* * *

КАКОГО ЦВЕТА ГОРЫ?

Ты ответь: Какого цвета горы?
Ранним утром, когда солнце их целует,
Алым маком расцветают лишь вершины,
Но обычно синими рисуют
Спящие ущелья и долины.
Так ответь: Какого цвета горы?

Днем же горы – это всплески солнца.
Если небо синее, как море,
Все вершины отлиты из стали:
Линии в причудливом узоре
Четки, как в гравюре на металле.
Нет, наверно, горы - цвета солнца.

В лунном свете горы – голубые.
Как сосульки, звонки их вершины.
Свет и тень сливаются с покоем.
Неземными кажутся картины,
Созданные каменным прибором.
Нет, скорее горы - голубые.

Так какие же они? Какие?
Лунной ночью – были голубые,
Ранним утром – маком расцветали,
В жаркий полдень – были цвета стали,
В час заката – были золотые.
Так какие же они? Какие?

Будешь долго ты искать ответ:
Цвет у гор какой – зеленый? Алый? Синий?..
Горы каждый миг меняют цвет,
Чтоб планета любовалась ими.

* * *

ГЛАВА 5

ДЕТИ ЗЕМЛИ

Их называют Детьми Земли.

За детское восприятие окружающего мира. За беззаветное служение красоте. За непосредственность в общении друг с другом. За щедрость душ и верность сердца. За милую наивность и безграничную веру в торжество жизни.

Их называют Детьми Земли. Хотя мы все – Дети Земли, Земляне. Но люди, живущие в цивилизованных районах планеты, позабыли об этом. Они растеряли все ценности детства, отвергли мир души своих предков. Они перестали быть Детьми Земли.

И только эта небольшая общность людей сохранила право так называться. Имя этой общности – ГОРЦЫ.

Люди, родившиеся и живущие в горах, больше всего ценят в человеке его душевные качества. Один памирский таджик говорил мне: «Мы не делим людей по нациям, мы делим людей так: хороший человек или плохой человек. Если ты хороший человек, и мы поймем это, ты будешь для нас самым дорогим гостем, а если ты плохой человек, то уходи от нас поскорее, пока мы не поняли это, чтобы ты не обижался на то, как мы будем тебя встречать».

О гостеприимстве горцев можно рассказывать бесконечно. Я уверен, что нет более гостеприимных людей, чем горцы нашей планеты. У людей гор беспрекословно действует такой закон: первый, кто встретит путника, приглашает его в свой дом, и путник становится самым дорогим человеком в доме. И если хозяин бедноват, все соседи помогут ему угостить гостя на славу.

А какой глубокий смысл и уважение в приветствиях горцев. На Кавказе горец протягивает тебе обе руки, сложенные ладонями, как бы говоря, что он тебе полностью доверяет, вручая свою судьбу. На Памире при встрече таджики делают рукой жест, как будто вынимают из груди сердце и протягивают его гостю на ладони.

А в горах Дагестана из селения, защищенного массивной высокой стеной из целых стволов деревьев, с окованными железом мощными воротами, где каждый дом имел рядом боевую башню, к нам вышел старец и протянул на медном подносе огромный бронзовый ключ, как бы вручая гостям судьбу целого селения. И я нашелся, как ответить на такое приветствие: я опустился на колени, взял ключ, поцеловал его и с почтением отдал старику. И, кажется, попал в точку: два дня мы были гостями в нескольких домах по очереди.

Кроме культа гостя у горцев процветает культ стариков и детей. Детворы в каждой семье много: 10-15 и все погодки. И все одинаково любимы. Не дай Бог обидеть ребенка на глазах у горца: ты навсегда потеряешь уважение всех обитателей селения. А у памирских киргизов есть праздник, которого нет ни у одного цивилизованного народа: Праздник Первого Шага, и проводят его в честь малыша, который сделал этот первый шаг в своей жизни.

Ну а о культе стариков и говорить не стоит: это само собой разумеется. Старому человеку у горцев отдается все самое лучшее: удобное место за столом и в жилище, красивая одежда, самое вкусное угощение. А главное, безграничное уважение в каждом

слове, в каждом жесте, в каждом поступке по отношению к старшему по возрасту.

Да, многому нам – цивилизованным людям – надо учиться у горцев. Учиться, как жить среди людей, как быть человеком с большой буквы.

Ты не согласен? Ты не веришь мне, моим рассказам о горцах? А вот послушай еще.

ВСЕ МЫ ЧЬИ-ТО ДЕТИ

(рассказ)

Задумывался ли ты когда-нибудь над тем, что мы – все чьи-то дети? Нет? Я тоже не думал об этом до некоторых пор. И стал думать после экспедиции по Центральному Тянь-Шаню.

Мы поднимались тогда целый день на сырт, по которому должен был пройти наш дальнейший путь к перевалу. Сырт – это высокоподнятая глыба земной коры с плоским верхом и обрывистыми склонами. Наверху равнина со степной растительностью, поднятая на значительную высоту над уровнем моря. Потому так и называется: «сырт» – значит «пастбище», раздолье для отар овец и табунов лошадей, без которых киргиз не мыслит свою жизнь. Так вот, мы целый день поднимались по крутым травянистым и скальным склонам на этот сырт. Но до верха так и не дошли. После обеда погода испортилась: небо заволокли свинцовые тучи, пошел сначала дождь, все заволокло туманом,

посыпал снег. Пришлось спешно ставить лагерь, А наверху, где-то рядом стояли пастухи: их собаки почуяли нас и подняли неимоверный шум, но потом успокоились. Мы забрались в палатки. Съели скудный ужин и заснули крепким сном под шум дождя и шелест снега. Утром разбудило нас яркое солнце. Мы стали складывать палатки и рюкзаки готовясь продолжить подъем наверх, и вдруг кто-то воскликнул: «А к нам гости!». Действительно, сверху спускались к нам три человека. В бинокль мы разглядели гостей: старая киргизка несла что-то на вытянутых руках, с обеих сторон ее бережно поддерживали две юных луноликих красавицы. Когда почти через час они спустились к нам, мы увидели, какой почтенный возраст у старой киргизки. Согнутая прожитыми десятилетиями она с трудом передвигала ноги, тяжело дыша. Лицо ее взбороздили глубокие морщины, а горное солнце за долгие годы высушило ее тело.

Подойдя к нам, киргизка приветливо поздоровалась и передала одной из девушек свою ношу. Это был металлический поднос, закрытый цветастым платком. Девушка поставила поднос на землю, сдернула покрывало. На подносе стояла большая кастрюля, заполненная доверху еще дымящимся ароматным пловом. А старуха разместилась на плоском камне и стала что-то говорить по-киргизски. Наша Неля, татарка по национальности, переводила нам:

«Мы вас еще вчера заметили, в гости ждали, дастархан накрыли. А потом глядим: палатки стали ставить, устали значит. Утром я глянула, а вы из палаток не выходите. Забеспокоилась я,

голодные вы там. Вот, принесла вам покушать».

После таких слов старой женщины защемило у нас сердце, и мы наперебой стали говорить: «Спасибо Вам, Апа, большое спасибо. Только не надо было так утруждать себя. Ведь тяжело Вам в Вашем возрасте по таким склонам ходить, мы бы вскоре сами к вам поднялись».

Выслушав перевод наших слов, старая киргизка всплеснула руками:

– Как это не надо? Вы же – чьи-то дети! А ваших матерей здесь рядом нет. Кто же будет о вас заботиться, если не я.

И почувствовали мы себя снова маленькими, и встал образ наших матерей перед глазами. Смотрели мы на лицо старой киргизской женщины, а видели лик своей мамы. И стало на душе так тепло и радостно. И силы новые откуда-то взялись. И пошли мы дальше по трудному маршруту, а материнская любовь старой киргизской матери сопровождала нас в пути. Мы чувствовали это. И все у нас было хорошо и ладно.

Не знаю, как мои спутники по Тяньшанской экспедиции, но я в своей жизни взял на вооружение убеждение той киргизской Апы, что «все мы – чьи-то дети!» И стараюсь практически следовать ее примеру.

ПОЛУНОЧНЫЙ ПЛОВ

(рассказ)

Солнце клонилось к закату, а мы все поднимались по крутому скальному склону одного из отрогов Алайского хребта. Ни источника воды, ни ровного горизонтального места для установки палатки мы пока не встречали. Назревала проблема с организацией ночлега. Мы уже ночевали однажды без палатки на крутом скальном склоне, привязавшись веревками к вбитому крюку, и рядом с нами почти отвесно падала мощная струя водного потока. Но там высота над уровнем моря была небольшая. А здесь четыре тысячи метров и рядом мощный ледник. Наверняка ночью температура воздуха упадет ниже нуля. Без палатки замерзнем. Солнечный диск уже провалился за зубчатую стену соседнего хребта, когда мы услышали далекий лай собак. Впереди была стоянка пастухов. Это придало нам силы, и вскоре мы увидели одинокую армейскую палатку, подобно ласточкину гнезду, прилепившуюся к скальной стенке. Трое пастухов и четыре собаки гоняли овец на небольшую площадку рядом с палаткой. Как всегда, встретили нас с нескрываемой радостью, разместили в палатке, подали чай. Старший из пастухов – красиво седеющий таджик, вдруг начал извиняться, что кроме чая ему угостить нас нечем, потому что плов они только начинают варить. Мы успокоили пастуха, поблагодарили за чай и вкусные лепешки и задали вопрос: где бы нам поблизости можно установить палатку?

Старший пастух, подумав, сказал, что выше их стоянки во время землетрясения вывалился скальный кусок, образовав

небольшую ровную площадку. На ней ужю ночевали туристы.

Стало совсем темно, когда мы нашли эту площадку. Было новолуние. Маленький серпик месяца затерялся среди бесчисленного множества звезд Млечного пути, перечеркнувшего небо над нами. Палатку ставили при тусклом звездном освещении, потом долго размещались в ней, так как часть дна нашего брезентового дома висело над пустотой. А когда «притерлись» друг к другу, Дима воскликнул:

– Эх, теперь поесть бы еще чего-нибудь.

– Тогда доставай примус, – предложил я. – Сварим суп, мы ведь сегодня еще не ужинали.

Стрелки часов перевалили за полночь, а примус не хотел зажигаться. Видно влияла на него четырехтысячная высота.

– А к нам гости – воскликнула внезапно Вика.

Мы замерли, прислушиваясь. В звонком воздухе четко звучали тяжелые шаги. Кто-то поднимался к нам по крутому осыпному склону, то и дело срывая каменные обломки, которые с грохотом катились вниз. И руки сами потянулись к лежащим в ногах ледорубам. Другого оружия у нас не было.

– Слушай, давай открывай палатку, сейчас кушать будем. – В распахнутую «дверь» к нам в палатку въехал большой медный поднос, на котором возвышалась гора дымящегося плова, источавшего аромат горячего бараньего мяса, от которого у нас потекли слюнки и закружилась голова.

Вслед за пловом в отверстие входа протиснулось улыбающееся лицо старого пастуха. Он увидел стоящий на коленях

у Димы примус, лежащие рядом пакеты супа-концентрата.

– Слушай, убирай это. Плов кушать будем, сил набираться. А я пойду, спать надо. Завтра рано овец гнать. Утром спускаться будешь, положи поднос у нашей палатки. Приятно вам покушать. – И лицо старого таджика исчезло из входного отверстия палатки. А мы, приходя в себя от потрясения, дружно накинулись на аппетитную еду. Поднос быстро опустел. Погасла, сгорев наша свеча. Мы лежали в темноте и думали о поступке старого пастуха.

– Да, нашим людям многому поучиться надо у горцев, – с горечью сказал Саша. – Дома будешь рассказывать – не поверят.

– А мы, ведь, и не поблагодарили старика за плов, за его доброту. – воскликнул Дима. – Нехорошо как-то получилось.

– Знаете, ребята, – вступил я в разговор, – мне однажды такой же старый пастух сказал: «Запомни, за хлеб и воду, которые тебе дают, благодарить не надо. Это долг каждого человека: дать путнику хлеб и воду, чтобы он обрел силы для продолжения пути».

Наверное, за плов старик не ждал от нас благодарности. Он выполнил свой долг, и счастлив от этого. Пусть этот плов станет для нас добрым примером общения между людьми, научит нас думать о других больше, чем о себе.

ГЛАВА 6

ЧУВСТВО ВИНЫ

(рассказ)

Скажите, вы вглядывались когда-нибудь в глаза голодной собаки, сидящей у входа в магазин и встречающей каждого посетителя молящим взглядом, полным надежды на вашу доброту? Или в глаза такой же бездомной кошки, лежащей зимой на чугунной крышке колодца теплотрассы?

Вы заметили, сколько в этих глазах безысходности и тоски? И вы не поспешили зайти в ближайший магазин и купить на гривню дешевой колбасы или сухого корма, чтобы покормить несчастное животное? И у вас ни разу не дрогнуло сердце и не сжалось от боли, когда вы проходили мимо, не останавливаясь? А почему? Почему мы подаем милостыню старикам, просящим у тех же магазинов, а зачастую мордоротам, имитирующим инвалидность и сделавшим попрошайничество своим бизнесом? А разве бездомные животные не заслуживают нашей милости? Ведь они такие же жители планеты, как и мы с вами. К тому же, как точно сказал любимый всеми поэт, они – наши меньшие братья, а значит, заслуживают нашей любви и заботы. Разве не мы виноваты, что они становятся бездомными и умирают от голода и холода на улицах наших городов? Не знаю, как у вас, но во мне постоянно живет чувство вины перед ними. И я стараюсь загладить эту вину в меру моих сил и возможностей. Но однажды стечение обстоятельств лишило меня такой возможности.

Дело было на Памиро-Алае несколько лет назад. Наш маленький экспедиционный отряд школьников медленно продвигался к леднику Абрамова, что находится в горах Высокого Алая между хребтами Алайский и Текелик. Тропа вилась по склону долины реки Джиалису, пересекая бесчисленные крутостенные овраги. Обильные весенние дожди и талая снеговая вода растворили известняковые породы, и раствор, стекая по тропе, так зацементировал ее, что она слилась со склоном, стала незаметной, исчезла совсем. Пришлось пустить в ход ледорубы, выдалбливая в цементной корке небольшие ямки для носков ботинок. С помощью этих углублений мы на пальцах ног, как заправские балерины, преодолевали овраги один за другим.

Подойдя к спуску в очередной овраг, мы увидели на дне его лежащую лошадь. Обычно лошади лежат, поджав под себя ноги. Она лежала на боку, и только ритмично вздымающийся живот говорил о том, что лошадь еще жива. И это заставило нас поторопиться со спуском.

Тропы, как всегда, не было, мы начали спускаться по цементной крутизне, то балансируя, как цирковые клоуны, то на четвереньках, сдерживая скольжение ледорубами. Увидев нас, лошадь попыталась подняться. Но, видно, сильная боль и нехватка сил не давали ей это сделать.

Она стояла, раскорячив передние ноги и неестественно вытянув задние, смотрела на нас бездонными темно-синими глазами и по-человечески плакала. Я погладил ее по лбу. Она потянулась к моим рукам и прижалась к ладони пересохшими

горячими губами.

– Ребята, скорее воду! – воскликнул я, понимая, что лошадь давно не пила, а над нами висело раскаленное памирское небо.

Женя быстро достал из рюкзака свою большую, флягу и подал мне. Я сложил ковшиком ладони, Ира налила в «ковшик» воды, и я поднес воду к губам животного. В одно мгновение лошадь опустошила мой «ковшик» и принялась слизывать с моих ладоней остатки воды.

– Дайте сюда миску, – командовал я. И через несколько секунд большая миска Евгения наполнилась водой из его фляги. Женя был самым молодым в нашем отряде и ростом меньше всех. Для смеха он взял в поход миску, ложку, кружку, флягу больших размеров, хотя, наверное, сожалел об этом.

Лошадь с жадностью пила воду без перестану, и фляги ребят пустели одна за другой.

– Все, последняя, – вздохнул Алеша, вытряхивая из своей фляжки остатки воды.

– Ребятки, вы что споили коню всю воду? – с волнением спросил я, – надо было оставить одну флягу. Неизвестно когда мы доберемся до воды. Может и ночевать без питья придется.

– Ничего, потерпим, – сказала наша толстушка Вика, которая была большим водохлебом и пила воду из всех источников, встреченных на маршруте. – Лошади важнее. Теперь покормить бы ее, давно, наверное, не ела. Только чем? Травы здесь нет.

– Несите сухари, – снова командовал я, – Попробуем дать ей. Сухари пришлись гнедой по вкусу, и она быстро съела половину наших хлебных запасов. Пока лошадь жевала, я осмотрел ее ноги. Открытых ран и явного перелома костей не было. Вероятно, сорвавшись на крутизне, она сильно ушибла задние ноги, да и передние тоже. И глубокий овраг стал для нее ловушкой. Надо было выручать беднягу. Но где же ее хозяин, почему бросил? Обычно киргизы и таджики, живущие в горах, лошадей любят и берегут. А эту бросили. Пропадет она здесь без воды и еды. Да и шакалы учуют ее и загрызут. Надо поднять лошадь наверх: там жиденькими пучками растет трава, а по утрам на траве здесь всегда бывает роса, будет что пить. Но как поднять животное по склону?

Я осмотрел цементированную крутизну, уходящую вверх.

– Попробуем выдолбить на склоне ступени для копыт лошади, – сказал я ребятам. – Другого выхода нет.

Почти три часа мы выбивали ледорубами ямки для лошадиных копыт. Потом больше часа пытались по этим выбоинкам поднять животное наверх. Поддерживая плечами сзади, мы переставляли передние ноги бедняги из ямки в ямку. Лошадь с грустью смотрела на наши попытки и тихо плакала от боли, и мы вместе с ней от бессилья помочь бедному животному.

Так мы продвинулись вверх метров на пять. Как вдруг под тяжестью тела коня обвалилась часть склона со ступеньками, и лошадь съехала по склону вниз, увлекая нас за собой.

Отдышавшись и обработав ссадины у себя и животного, мы молча сидели на дне оврага, не зная, что делать дальше. Солнце уже клонилось к закату. Меньше, чем через час здесь наступит темная ночь. Надо выбираться поскорее из оврага. Об этом я сказал ребятам.

– А как быть с лошадыю? – жестко спросил Алеша. – Неужели бросим?

– Коня придется оставить здесь. – твердо сказал я. – мы сделали все, что могли, чтобы поднять его наверх. Но что из этого вышло – вы видели сами. Зачем причинять лишнюю боль бедному животному? Я думаю, что хозяин ее ушел за подмогой. Здесь нужны веревки, много веревок, наших не хватит. Будем надеяться, что завтра сюда придут люди с веревками и вызволят ее из беды. А мы должны идти: ведь район сейсмически опасный, малейшее землетрясение может вызвать сильные обвалы, в овраге нам некуда будет спрятаться от них.

– А как же лошадь? – еще раз спросил Алексей.

– Давайте подниматься, – вместо ответа сказал я, – скоро стемнеет. До темноты мы должны преодолеть этот склон.

Мы начали одевать рюкзаки. Лошадь все поняла и тихо жалобно заржала, прощаясь с нами. Все мгновенно замерли на месте. Девочки, не таясь, заплакали навзрыд, мальчишки отворачивали друг от друга лица, пряча слезы. У меня сердце подкотило к горлу, превратясь в тот известный комок. Возникло страшное желание сбросить рюкзаки и остаться на ночь с конем. Но со мной было четверо детей, за жизнь и здоровье которых я отвечал

перед самым собой, их родителями и человечеством. Я проглотил комок в горле и хрипло вымолвил:

– Пойдемте, ребята. Ей будет больней, если она почувствует наше состояние. Ведь она тоже привязалась к нам. – И с силой всадил ледоруб в спаянный цементом щебень.

– Погодите! – Вика сорвала с плеч рюкзак, достала из него мешочек с сухарями и высыпала их рядом с лошадью. Остальные ребята последовали ее примеру. А Женя еще вскрыл две оставшиеся банки с жидким сгущенным молоком, вылил его в свою большую миску и поставил перед животным.

...Мы шли, пока совсем не стемнело и впереди замаячил спуск в очередной овраг. Палатку не ставили, а просто положили на тропу и легли сверху. Ужинать не хотелось, спать тоже. Лежали и вслушивались в темноту: не вскрикнет ли жалобно наша лошадь. Но черное безмолвие окутало землю. Только в близком небе шепотом разговаривали друг с другом крупные звезды, время от времени посылая вниз яркие метеориты, чтобы высветить наши лица.

Только к утру сон сморил ребят. А я лежал и думал, как несправедливо устроен мир живых на планете, и просил Высшие Силы пощадить попавшую в беду лошадь и послать ей спасение. Во имя торжества жизни, во имя Вечной любви и добра в душах моих учеников.

С того времени прошло уже много лет, но чувство вины перед несчастной лошадью не покидает меня. Мои юные спутники по экспедиции к леднику Абрамова уже стали взрослыми. Иногда мы

собираемся вместе и каждый раз вспоминаем о беспомощной лошади, оставленной нами в овраге долины Джиалису. И мрачнеют лица у моих взрослых учеников, и корят они себя и меня, что не попробовали тогда еще и еще раз вытащить животное из оврага, что не вернулись на следующий день за лошадь, а оставили ее умирать одну, предав тем самым верного друга. Когда эмоции гаснут, разум убеждает нас в невозможности выручить лошадь из беды в то давнее время. Но все же чувство вины остается. Это неискупленное чувство вины будет сопровождать нас до конца жизни.

На вершинах уже день, внизу – еще ночь

ГЛАВА 7

НОЧНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

(рассказы)

Когда я рассказывал о своих путешествиях по диким уголкам гор, мне всегда задавали один и тот же вопрос: «Скажите, а вам не было страшно?».

– Нет, не было, – отвечал я уверенно. – С природой гор я хорошо знаком, в своих силах и умениях был уверен, да к тому же сами горы охраняли меня от всяких неожиданностей. Так что бояться мне было нечего.

– А диких животных? – не отставали собеседники, – Ведь волки и медведи нападают на человека. Сколько ужасных случаев описано в книгах и газетах.

– Животные никогда не нападают на человека первыми, – парировал я. – Только, если человек обидит животное или испугает, тогда оно защищается. А если ты к зверю относишься с любовью, он никогда тебя не тронет. А я животных люблю с рождения. В детстве даже мечтал стать укротителем в цирке. Так что добрым людям бояться диких зверей не нужно. В научных экспедициях на Кавказе мне дважды приходилось сталкиваться с медведем нос к носу, и, как видите, жив и здоров.

Однажды я с напарником Геной по пути на ледник повстречал густой малинник. Горное лето было в разгаре, и разомлевшие под лучами щедрого солнца крупные сочные ягоды так и просились в рот. Увидев молящий взгляд Гены, я, как начальник группы, изрек:

«Витамины всегда были полезны людям! Пасемся десять минут». И мы начали пастись.

Чтобы не быть мне конкурентом, Гена отошел в сторону и вскоре с головой скрылся в зарослях малины. Так мы «витаминились» уже более получаса. И вдруг я услышал, как в противоположной стороне от меня кто-то ломится сквозь малинные дебри.

– Гена, – воскликнул я, – Что ты там мучаешься? Выходи ко мне! У меня здесь ягод видимо-невидимо. Но Гена почему-то не откликнулся. Тогда я раздвинул ветки своего куста и ... вместо Гены увидел медвежью морду.

Мишка, как и мы, с наслаждением уплетал сочные ягоды. Я не успел даже испугаться, как медведь, увидев меня, рявкнул с перепугу и поджав хвост, бросился бежать. А чуть в стороне, ломая ветки кустов и обдирая одежду, стремглав уносился от медведя мой напарник Гена.

Во второй раз моя встреча с медведем была более продолжительной: мне пришлось ночевать с ним вместе в одной охотничьей хижине.

Дело было в долине Келасури на Кавказе – пожалуй, самой дикой из долин Абхазии. Я провожал девушку из своего отряда в город Сухуми, она должна была ехать сдавать экзамены в институт. А отряд продолжал двигаться по маршруту. Посадив Галинку на поезд, я автобусом должен был добраться до конечной остановки и оттуда выйти на встречу со своим отрядом. Но затяжной ливень спутал все мои планы. Дождь размыл дорогу, автобусы не ходили,

и мне пришлось идти пешком под дождем через дебри Келасурского леса.

Дождь меня несколько не беспокоил, я давно уже привык, что дождь – нормальная погода в горах Западного Кавказа, у нас даже родилась такая поговорка: «Мы плюем на погоду, погода плюет на нас – обе стороны довольны». А вот как ночевать в лесу под дождем без палатки – это была проблема.

Но мне повезло: к вечеру в первый день пути сквозь пелену дождя я вдруг увидел среди ветвей крышу какого-то строения. Это был обычный охотничий домик, двухэтажный, с нежилым из-за постоянной сырости первым этажом и жилым – вторым. Внизу обычно хранили инвентарь, не боящийся влаги. Нижняя дверь была закрыта на висячий замок, а верхняя – распахнута настежь. Я поднялся на второй этаж, в небольшой комнате стоял ободранный стол, металлическая кровать с сеткой, на которой валялся изодранный в клочья ватный матрац. В углу примостилась небольшая русская печка. Я сбросил на пол изувеченный матрац, расстелил на кровати свой спальный мешок, вскипятил чай, поужинал и под шум дождя крепко уснул. Проснулся среди ночи от непонятного звука. Прислушавшись, я понял, что кто-то выламывает дверь нижнего этажа. Стало как-то не по себе. Оружия у меня никакого не было, только ледоруб. Дверь в мою комнату запиралась на хилый крючок. И вдруг среди грохота выбиваемой двери я услышал недовольное ворчание. И сразу все прояснилось: это был медведь, пришедший на ночлег. А я занял его место, вот он и стремится попасть под крышу первого этажа, чтобы поспать

более комфортно. Дверь на первый этаж он все-таки выломал, повозился немного и затих, мне стало жаль его: ведь это он спал на железной кровати и когтями изорвал матрац.

А я подумал о горе-туристах.

Утром дождь окончился, медведь ушел раньше меня, так и не причинив мне никакого зла.

– А люди? – наконец восклицают слушатели. – Разве не скрываются в диких уголках гор разные бандиты, уголовники и просто злые люди?

– Можете верить и не верить мне, – отвечал я, – но в тех местах, где я путешествовал, мне встречались только хорошие, добрые, душевные люди. Плохих людей в те места ничем не заманишь. Их влечет к себе цивилизация. Так что страха у меня во время путешествия по горам никогда не было.

Свою дочь Татьянку я первый раз взял в экспедицию на Кавказ, когда она окончила первый класс. В возрасте восьми лет она прошла двухсоткилометровый маршрут, поднималась на высоту 3000 метров над уровнем моря. Дома, делясь впечатлениями о походе, она призналась, что в отдельные моменты ей бывало страшно. И вот тогда она сказала мне:

– Ну ты признайся, папка, ведь и тебе в походах бывало страшно.

И мне вспомнились случаи, когда на мгновение мною овладевал необоснованный страх.

После окончания первого курса геофака я повел небольшую группу своих однокурсников в поход по горам Крыма. Было нас шесть человек: четверо девушек и двое хлопцев – я и мой друг Валентин Слюсаренко. Стоял жаркий август, в Крыму это самый, сухой месяц. Палатку мы не брали, и спали все время под открытым небом, утеплившись одеялами. Девушек мы с Валентином всегда ложили в серединку, а сами размещались по краям. Соседкой моей была Нина Сырцова, как оказалось, страшная трусиха. Упадет с дерева шишка, треснет сухая ветка, и Нина в страхе будит меня. Я всегда ее успокаивал, но однажды я сам здорово испугался.

Ночевали мы в горном лесу. Было полнолуние. Огромная луна заливала лес таинственным светом, порождая фантастические сочетания света и тени. Среди ночи я проснулся от того, что Нина шепчет мне прямо в ухо:

– Юра, проснись, нас окружают.

– Кто окружает? – воскликнул я, приподнимаясь.

– Тихе! – испуганно прошептала девушка, зажимая мне рот ладошкой.

– Посмотри туда. – Нина дрожала от сильного страха.

Я перевернулся на живот и стал смотреть. Иссиня-черные стволы деревьев купались в призрачном голубом сиянии лунного света. И вдруг от одного ствола отделилась какая-то тень и перебежала к другому стволу, от второго к третьему. Неприятный холодок пробежал по спине. Я крепко сжал единственное наше оружие – маленький туристский топорик, и уже хотел поднимать

Валентина криком «В ружье!». Как вдруг все вспомнил. Накануне у нас была дневка, и наши девчата устроили генеральную стирку. Для сушки постиранного мы с Валентином протянули между стволами сосен альпинистскую веревку, взятую на всякий случай, и девчата развесили на ней свои постиранные вещи. На ночь вещи не сняли, и они теперь трепыхались на ветру, создавая иллюзию перебегания от ствола к стволу человеческих фигур. Все это я рассказал Нине и еле ее уговорил самой убедиться в этом, подойдя к веревке и потрогав вещи.

Еще больший страх я испытал через год во время первой моей научной экспедиции. Мы втроем совершали маршрут по верховьям долины реки Аксаут на Западном Кавказе, В средней части долина заросла густым труднопроходимым лесом. Настоящая горная тайга. Мы остановились на ночлег в глухом лесном уголке, разожгли костер. После ужина долго сидели у костра и тихо беседовали. И вдруг тишину ночного леса взорвал душераздирающий женский крик. Он не прекращался ни на минуту, и приближался к нам, все усиливаясь. Было очевидно, что кричащая женщина бежала от преследователя, испытывая страшную боль,

– Хлопцы, надо спасать несчастную! – дрожащим голосом воскликнул начальник нашего отряда Владимир Сидоренко. Мы схватили ледорубы и стремглав бросились навстречу бегущей женщине. Когда она, судя по крику, была уже недалеко от нас, мы остановились на тропе, спрятавшись за стволами деревьев.

– Значит, так, – тихо командовал Володя, – женщину пропускаем вперед, а преследователя отсекаем и бьем ледорубами.

А крик слышен уже рядом, он приближался к нам и леденил душу,

– Внимание! – тихо произнес Сидоренко, и мы приготовились к действию.

Но что это? Вместо израненной женщины в свете луны мы увидели летящего над тропой большого сыча. Птица медленно проплыла над нашими головами, и от ее «женского» вопля волосы становились дыбом и стынула кровь в жилах. В той же экспедиции еще один представитель животного мира тоже «купил» нас, из-за чего мы чуть не убили двух молодых людей.

Под морозящим дождем мы долго брели по скалистому гребню хребта, нависшего над речкой Аксаут. Уже начало смеркаться, когда, наконец, мы нашли место спуска к реке, где решили стать на ночлег. Это был поросший густым лесом неглубокий овраг, прорезавший почти отвесный склон до самого дна долины. По этому оврагу мы спускались до темноты, и палатку пришлось ставить у выхода из оврага на небольшой площадке, окруженной густым кустарником и буреломом. Дождь все не прекращался, а есть хотелось. И мы решили разжечь костер и сварить ужин. Первым выбрался из палатки Гена, а через минуту снова нырнул в нее. При свете фонарика мы увидели его перекошенное страхом лицо.

– Там та-а-ки-е следы! Похоже – тигр.

Мы с Володькой тут же выскочили из палатки. От входа палатки в сторону вывороченного с корнем дерева уходили огромные следы, похожие на следы домашней кошки. Володя еще

раз осмотрел следы и сказал:

– Тигров здесь нет, а вот рыси водятся. Наверняка, это ее следы.

– Я слышал, что рысь имеет привычку нападать сзади, – заикаясь пролепетал Гена. – Сидит она там в буреломе и только ждет момента, чтобы прыгнуть на спину и сломать позвоночник. Вон какие у нее лапищи!

После Генкиных слов у нас появилось постоянное ощущение, что из переплетения корней и ветвей буреломе за нами наблюдает чей-то пронзительный взгляд. Мы развели огромный костер и сели вокруг него, надеясь, что рысь не решится напасть на нас из-за страха перед огнем. Но она все-таки решилась. Где-то минут через сорок в низовьях оврага, по которому мы спускались к реке, совсем рядом с нами послышался треск ломаемых веток. Кто-то массивный ломился через заросли кустарника, не разбирая пути.

– Рысь! – страшная мысль молнией резанула наше сознание, мы вскочили, не зная, что делать.

– Камни! – воскликнул Сидоренко. Нужно бросать в нее камни. Все животные боятся этого.

Мы глянули на освещенную часть площадки: на ней валялось всего несколько больших булыжников. Некоторые из них вросли в почву, другие были просто неподъемные. А треск ломаемых веток уже слышен был у самого выхода оврага на нашу площадку.

– Хватайте камни, которые держат растяжки нашей палатки, – закричал Володя и рванул ближайшую растяжку. Первый камень полетел в заросли кустов. Вслед за ним один за другим полетели

мой и Генкин.

– Ребята, не бросайте камни. Здесь люди. – послышался из бурелома слабый девичий голос, и через минуту в свете костра показалась двое людей: мужчина и женщина. Еле передвигая ноги, они приблизились к нам, сбросили тяжелые рюкзаки и устало опустили на землю. Генка метнулся к осевшей палатке, достал две кружки, налил ароматный чай и протянул пришедшим.

Они молча пили его жадными глотками, а мы рассматривали ночных гостей. Мужчина был обут в отриконенные альпинистские ботинки и во всем его облике угадывался опытный путешественник. Женщина была намного моложе своего спутника, совсем девчонка. На ногах у нее были обычные женские туфли, по ранту которых были закреплены металлические трикони, не дающие скользить гладкой подошве. Наверняка это был ее первый в жизни горный поход. Их штормовые костюмы и рюкзаки промокли, как говорят, до последней нитки.

Допив чай, мужчина поднялся, протянул руку:

– Давайте знакомиться: брат и сестра Паршины, из Ленинграда. Вот путешествуем по малохоженным местам. А что это вы так «гостеприимно» нас встречали?

– Мы тоже представились и рассказали о следах рыси, за которую мы их приняли, чуть не убив или покалечив. Оказывается, они, как и мы, долго ходили по хребту в поисках места спуска к реке, и не найдя его, уже готовились ночевать под дождем на мокрых скалах, как вдруг увидели наш костер.

Ориентируясь на него, они нашли вход в овраг, по которому спустились к нам, невольно заставив нас испытать несколько мгновений страха.

Мы накормили их ужином, потеснившись, устроили на ночлег в нашей палатке, а утром помогли переправиться через бурную речку Аксаут, сами бы они низачто ее не перешли. Паршины пошли дальше по своему маршруту, а у нас об этой встрече осталась память в виде открыток и значков с видами Ленинграда, подаренные братом и сестрой.

Когда я начал водить в горы школьников, страха за них у меня не было, хотя мы выбирали малохоженные маршруты, посещая дикие уголки гор. Как говорил один мой юный спутник, я «вожу ребят туда, куда Макар телят не гонял и еще дальше». И конечно же подобные ночные приключения продолжались.

Однажды вся моя палатка среди ночи была поднята на ноги. Один хлопчик вышел по нужде из палатки, и тут же влетел в нее с воплем: «Горим!». Мы стремглав выпорхнули из палатки и увидели страшное зрелище. Вся земля вокруг наших палаток и стволов деревьев пылала ярким голубоватым пламенем, похожим на языки горящего газа в газовых печках. Казалось, еще мгновение – и вспыхнут и вековые пихты, и наши палатки. На секунды екнуло сердце, но мысль: «пламя есть, а почему нет нестерпимого жара?» успокоила его.

– Без паники, ребята, – громко крикнул я, – сейчас посмотрим, что там так здорово светится.

Я подошел к светящемуся участку, нагнулся над холодным огнем. Так и есть: светились лесные гнилушки, обильно устилающие пространство между деревьями. Я показал ребятам гнилушку, и страх у них в то же мгновение сменился бурным восторгом. Всем захотелось привезти гнилушек домой, показать это чудо мамам. Но, увы, чуда дома не произошло: гнилушки ни в доме, ни на улице больше не желали светиться. Как мне объяснили, они просто высохли за время дороги.

Такие мгновения страха зачастую вызывают события, какие ты никак не ожидал.

Как-то спускались мы рано утром по горному склону после ночевка на альпийском лугу. Стоял густой утренний туман. Тропа просматривалась вперед метра на три-четыре, а все вокруг потонуло в «парном молоке». Я шел, как всегда, первым, следя за поворотами едва заметной тропы. А ребята повторяли все мои движения. И вдруг я резко остановился и остолбенел. Впереди в тумане стали подниматься с земли, как мне показалось, фигуры людей. Они медленно поднимались один за другим и застывали в неподвижности, закрывая нам дорогу. Первая мысль: «Кто они? Что им надо от нас?». Сердце тревожно сжалось в груди. На лбу выступил холодный пот. Но что-то очень неподвижны были эти незнакомцы. Я приказал ребятам стоять на месте, а сам направился в сторону загородивших тропу людей, подняв руки вверх на всякий случай. Я сделал всего лишь с десяток шагов вниз по склону, как все понял и расхохотался. Оказывается, мы вошли в зону леса. Призраками оказались стволы деревьев, уходящих вниз по склону.

Туман начал расходиться, обнажая деревья одно за другим, Вот и получилось, что они выныривали из тумана, создавая иллюзию поднятия с земли. Воистину, у страха глаза велики!

А вот еще случай. Стали мы на ночлег недалеко от Алибекского перевала. Палатки поставили на каменистой площадке, поросшей редкой травой. Поужинали и заснули богатырским сном. Спать легли рано: завтра нам предстоял трудный подъем на перевал.

Среди ночи разбудила меня единственная девочка в нашем отряде:

– Начальник, проснись, кто-то ходит вокруг нашей палатки.

– Тебе показалось, Танюша, – тихо сказал я, боясь разбудить сладко похрапывающих мальчишек. – А может, это кто-то из хлопцев соседней палатки вышел прогуляться или тебе приснилось.

– Нет, я давно уже не сплю. А проснулась от того, что кто-то пытался расшнуровать нашу палатку. – И внезапно девочка встрепенулась:

– Вот, послушайте, опять кто-то ходит.

Я прислушался, и в ночной тишине отчетливо услышал осторожные шаги вблизи нашей палатки. Некто тихо протопал возле задней стенки палатки, остановился, потом торопливо отошел к соседним скалам. Загремели, покотившись из-под неосторожной ноги маленькие камушки. И снова тишина. Я нащупал лежащий сбоку ледоруб. Таня прижалась ко мне, ее была мелкая дрожь. Да и у меня противный холодок пробежал по спине. Вдруг от скал помчались к нашей палатке звуки сразу нескольких торопливых

шагов. Было очевидно, что кто-то бегом приближался к палатке. Я начал расшнуровывать вход, как внезапно одна за другой лопнули все четыре боковых растяжки, и крыша палатки накрыла нас, прижав к днищу.

– Ну, что за шутки! – гневно воскликнул я, с трудом выползая из палатки.

И в тот же миг оглушительный свист прорезал тишину ночи. Так свистят, наверное, Соловьи-Разбойники из сказок, или мальчишка-умелец, засунув три пальца в рот. Но такой свист был мне знаком и с другой стороны, Я его частенько слышал во время научных экспедиций. Это был сигнал опасности, подаваемый вожаком своему стаду. И в подтверждение этого на фоне Млечного Пути я увидел быстро убегающих по склону нескольких горных козлов-туров. И тут я догадался, что своим лагерем мы заняли место постоянного ночлега диких козлов. По привычке они пришли сюда ночевать, а здесь наши палатки. Походили, походили козлы вокруг, но места другого для ночлега не нашли. Вот в отместку они и повалили нашу палатку, и убежали подальше от незваных гостей.

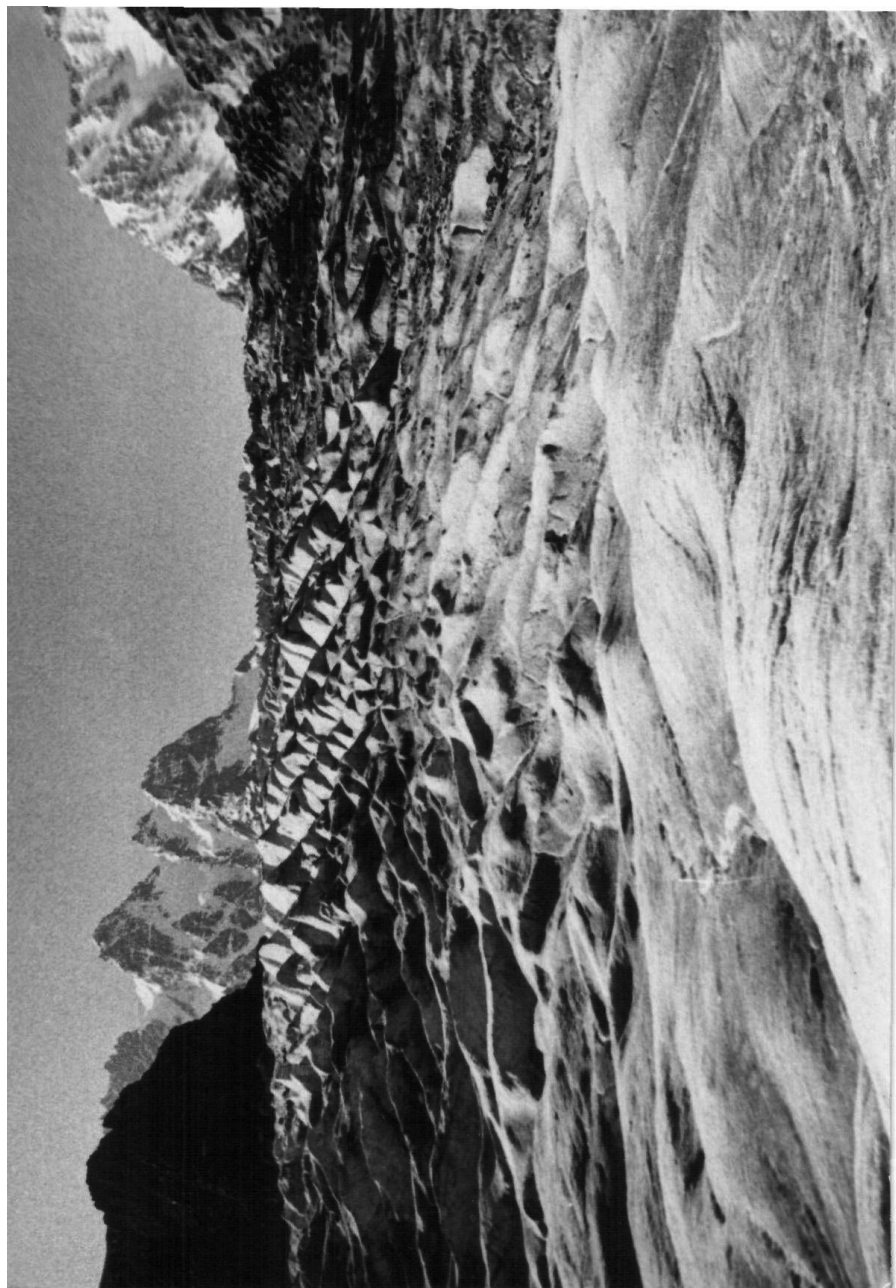
Все это я рассказал своим юным путешественникам, собравшимся вокруг меня и дружный смех мгновенно снял нервное напряжение. Мы даже пожалели бедных туров и пообещали, что впредь будем осмотрительно выбирать место для ночлега. Потом при свете фонариков быстро восстановили порванные растяжки палатки и пошли досматривать прерванные сны. А хлопцы из соседней палатки так и не проснулись.

Дослушав до конца мои воспоминания, дочка с радостью воскликнула:

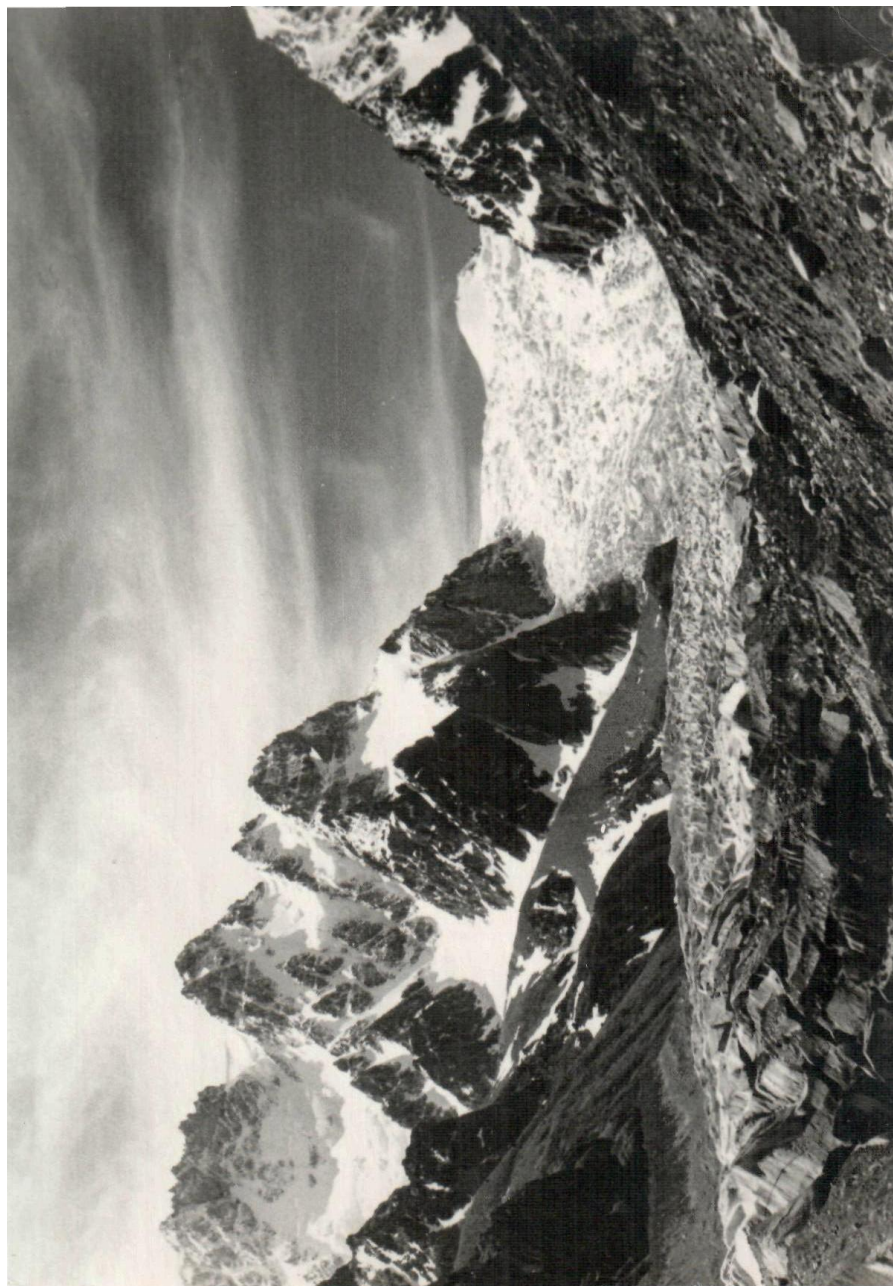
– Ага, значит не только я боялась в походе, но и у тебя были минуты страха! Что же получается: бесстрашных людей нет?

– Ты права: чувство страха есть у каждого человека. Только одни люди умеют побороть его, а другие поддаются ему. Чтобы преодолевать страх, надо иметь хорошие знания об окружающем мире и больше любить других людей, чем себя. Когда человек ожидает появление каких-то страшных явлений или событий, чувство страха у него не возникает. А вот когда такие явления и события происходят неожиданно, то страх приходит: как врожденное средство самосохранения. Такой страх руководит поступками человека и животных, помогая выжить в опасные моменты жизни.

Вот такие приключения случались со мной и моими друзьями во время странствий по малохоженным горным тропам. Думаю, без них все походы были бы такими же пресными, как пища без соли, жизнь без юмора и поцелуй без любви.

Ледник Карагом на Кавказе

Кавказ. Вершина Гулари на леднике Карагом

ГЛАВА 8
И НЕЛЬЗЯ ПОВЕРНУТЬ НАЗАД
(повесть)

/ хроника одной экспедиции /

Над долиной Караугома холодный морозящий дождь лил без перерыва уже сороковый день. Время от времени дождь вдруг обрушивался на землю водопадными струями, а потом так же внезапно возвращался в первоначальное состояние.

Мы уже привыкли к такой погоде. Мы – это отряд Комплексной геолого-географической экспедиции на леднике Караугом, работающей по программе Международного Геофизического Года. Ледник Караугом – второй по величине на Кавказе, уникален своей природой и неповторимой красотой, поэтому он стал объектом изучения Международной экспедиции.

Отряд наш тоже уникален: в нем пять человек - три Ивана и два Юрия. И чтобы не путаться с именами, мы дали друг другу псевдонимы. Геолога Юрия, в отличие от меня, тоже Юрия, стали звать просто Геолог. Мне дали имя Литератор, так как я вел научный и бытовой дневник экспедиции. Хотя у меня специальность геоморфолога – географа, изучающего рельеф. Топографа Ивана мы прозвали Графом. Только для самого старшего и самого младшего из нас мы сделали исключение. Студента-практиканта гидрометеорологического техникума Ивана мы стали звать Ванюшей, а нашего руководителя отряда Ивана

Петровича мы хотели называть по имени-отчеству, но по его просьбе назвали просто – Ваня.

Был еще шестой, но у него другое имя, и он не вписался в наш коллектив. Случилось это на двадцать первый день от начала непрерывного дождя. Вернувшись с дальней точки наблюдения на леднике, он долго сидел на мокром камне, уставившись в пелену дождя, а потом решительно поднялся и заявил:

– Все! Хватит! Я больше так не могу. Не могу жить, не снимая, мокрую фуфайку, не могу ложиться спать в лужу на дне промокшей палатки, не могу питаться только отваром из хвои пихты и чаем из листьев красной смородины без сахара и хлеба. Поэтому я ухожу вниз, к людям, пока еще открыты высокие перевалы. Кто со мной? Мы были просто шокированы и молчали.

– Ну, тогда оставайтесь. Не поминаете лихом. – и он размашистым шагом быстро пошел прочь.

– Сломался парень, – с огорчением вымолвил Ваня. – А я так надеялся на него, как на альпиниста. Теперь тебе, Литератор, придется заниматься еще и снежно-ледовым покровом. – обратился он ко мне. Я кивнул головой в знак согласия. На душе у всех было очень скверно, наверное, так всегда бывает, когда сталкиваешься с предательством. Молчание нарушил Ваня:

– Слушай, Литератор, спой что-нибудь такое, чтоб душа развернулась и больше не сворачивалась.

Я задумался, и в голову пришли слова песни, так необходимой нам сейчас. И я запел:

Ты уехала в знойные степи,
Я ушел на разведку в тайгу.
Над тобою лишь солнце палящее светит,
Надо мною лишь кедры в снегу.

А путь и далек, и долог,
И нельзя повернуть назад.
Держись, геолог, крепись, геолог,
Ты – солнца и ветра брат.

Я пел и видел, как светлели лица моих товарищей от слов этой песни.

Уезжая, небес синевою
И студеною влагой воды,
Голубую, заветной Полярной звездой
Поклялись в нашей верности мы.

И уже ребята подхватывают слова припева, и, прерывая шум хлынувшего дождя, вознеслась песня сквозь свинцовые тучи в бездонное небо поднимая дух у мужественных людей.

А путь и далек, и долог,
И нельзя повернуть назад.
Держись, геолог, крепись, геолог,
Ты – солнца и ветра брат.

Лучше друга нигде не найду я,
Мы геологи оба с тобой.
Мы и в жизни сумеем руду дорогую
Отличить от породы пустой.

А путь и далек, и долог,
И нельзя повернуть назад.
Держись, геолог, крепись, геолог,
Ты – солнца и ветра брат.

Теперь песня звучала в полный голос, как призыв, как Гимн, как клятва верности в делах и в любви:

Будь отважен, мой друг, и спокоен,
Не ищи проторенных путей.
Закаленная ветром и стужей, и зноем,
Только крепче любовь и сильней.

А путь и далек, и долог,
И нельзя повернуть назад.
Держись, геолог, крепись, геолог,
Ты – солнца и ветра брат.

– Вот это песня! - воскликнул Ваня, обнимая меня. – Где ты ее взял? Почему раньше не пел? Кто сочинил ее?

– Песню по радио услышал, всего один раз. Был потрясен словами, ведь о геологах раньше песен не писали, и пели мы у вечерних костров песни «эзковские», душщипательные, пустые, пришедшие к нам от заключенных, что работали в геологических партиях работягами. А тут в песне все слова родные, твои. От потрясения тогда слов и не запомнил. Только сейчас вдруг вспомнились. А вот мотив и автор в памяти остались. Написала песню композитор Александра Пахмутова.

– Александра, говоришь? Молодец дивчина! Сразу видно: наша она, геологиня. Другая так бы не написала. – Ваня задыхался от восторга.

– Да нет, композитор она, профессионал, – возразил я уверенно.

– Брось, Литератор, – с негодованием воскликнул Ваня, – чтобы так написать, надо самому все это пережить. И не говори, Саша – настоящий геолог!

И стала песня Александры Пахмутовой «Геологи» нашим Гимном. Мы пели ее каждый день перед началом работы на леднике, и она помогала нам трудиться в таких экстремальных условиях. Дождь не прекращался еще долгих 20 дней. В холодные ночи температура падала ниже нуля, и промокшая одежда превращалась в ледяной панцирь. Продукты питания окончились еще в первые дни, а размытые тропы через перевалы и смытые мостики на реках не давали возможности добраться к нам каравану лошадей и ослов с грузами, вертолеты при такой погоде тоже летать не могли. И оказались мы отрезанными от всего мира в диком ущелье. Но мы не упали духом, а главное, работали. И помогали нам выстоять перед трудностями юмор нашего начальника Вани, книга веселых рассказов в рисунках датского художника Херлуфа Бидструпа и, конечно же, песни. Почти во всех наших песнях присутствовал дождь, споём такую песню, и дождь над Караугомом уже не кажется таким страшным бедствием.

Сырая тяжесть сапога,
Роса на карабине.
Кругом тайга, одна тайга,
И мы посередине.

Письма не жди, письма не жди.
Дороги опустели.
Идут дожди, одни дожди
Четвертую неделю.

И десять лет, и двадцать лет,
И нет конца и краю.
Оленя след, медведя след
Вдоль берега петляет.

Сырая тяжесть сапога,
Роса на карабине.
Кругом тайга, одна тайга
И мы посередине...

Традиционного пения песен у костра у нас не было за неимением костра. Когда на нашей поляне с официальным именем Райская не осталось ни одного местечка, не залитого водой, а промокший сухостой не хотел гореть, стала проблема с приготовлением пищи. И тогда мастер на выдумки Граф выдолбил в скальном склоне небольшой гротик, под сводами которого мы стали разжигать костер. Сидеть вокруг него было невозможно, но зато он горел и кипятил нам настой из пихтовой хвои и смородиновый чай – единственную нашу пищу в течение сорокадневного «потопа». Первые дней десять мы сильно страдали от голода, а потом при таком «питании» перестали его ощущать. Хотя работа на леднике нас сильно изматывала. Особенно доставалось тем, кто дежурил на дальней точке метеорологических

наблюдений на леднике. Нужно было три раза в сутки снимать показания приборов, а для этого надо пройти огромное ледяное поле, изрезанное вдоль и поперек глубокими и широкими трещинами. Раз в десять дней мы составляли поперечный профиль ледника, чтобы определить скорость движения льда в разных его участках.

А для этого необходимо пересечь ледник по ширине от одного борта до другого. На Караугоме это была адская работа, потому что ни один ледник Кавказа так не рассечен продольными и поперечными трещинами, как он. И проходить через эти трещины надо было строго по прямой линии. Очень помогала альпинистская техника: ледорубы, веревки, карабины, «кошки», ледовые и скальные крючья. Так что днем скучать не приходилось. А вот по вечерам к нам приходила грусть. Вспоминали дом, родных, любимых. Когда лежишь в промерзшей палатке в мокрой одежде, без света и с пустым желудком, а за палаткой барабанит без устали тоскливый дождь, грусть становилась невыносимой. Пробовали петь, но песни звучали, как рыданье.

Почему ты не пишешь?
Что случилось с тобой?
По брезентовой крыше
Дождь стучит проливной.
Если б ты знала –
Как здесь письма нужны,
Ты б тогда не писала
От весны до весны ...

Иногда мы позволяли себе собираться возле нашего маленького костра. Глядя на язычок пламени, пляшущий под сводами грота, мы приходили в восторг и пели уже иные песни:

Дым костра создает уют,
Искры тлеют и гаснут сами,
Пять ребят о любви поют
Чуть охрипшими голосами.

Если б слышали те, о ком
Эта песня сейчас звучала,
Прибежали сюда тайком,
Чтоб услышать ее сначала.

Что б прочувствовать до конца
В этом диком таежном крае,
Как умеют любить сердца,
Огрубевшие от скитаний.

Дым костра создает уют,
Искры тлеют и гаснут сами.
Пять ребят о любви поют
Чуть охрипшими голосами.

Так проходили день за днем, а дождь все не прекращался, мы уже и дни перестали считать. Поэтому были сильно удивлены, когда Ваня после утренней песни объявил:

– Сегодня, хлопцы, у нас праздник, юбилей: сорок дней от начала периода бесконечных дождей, и 45 дней нашего пребывания на Караугоме. Жаль, конечно, что не будет у нас праздничного обеда, но песни наши мы обязательно споем. А сейчас за работу, хлопцы. Кто у нас сегодня дежурит в лагере?

– Мой черед, – недовольно сказал Геолог. – но я хотел бы подняться к вершине Гулари, надо кое-что там проверить.

– А можно мне остаться в лагере? – внезапно воскликнул Ванюша, – я что-то неважно себя чувствую. Сильно устал, наверное.

– Хорошо, оставайся, отдыхай и поработай над метеоданными. – сказал Ваня, и мы разошлись по своим местам наблюдений.

Когда вернулись в лагерь, Ванюша не пустил нас в палатку и с загадочным выражением лица попросил собраться у входа.

– Ваня, ты не ошибся, у нас действительно сегодня праздник? – спросил он у начальника отряда.

– Нет, малыш, не ошибся, – Ваня вопросительно смотрел на практиканта.

– Тогда всех прошу к праздничному столу! – Ванюша царственным жестом распахнул полог палатки, и мы увидели неслыханное богатство. На плоской плите грифельного сланца посреди палатки разместились целых десять сухарей, по четыре кусочка сахара-рафинада возле каждого сухаря, в центре камня стояла открытая банка тушонки и лежали запечатанная упаковка печенья и пачка чаю.

Мы молча разглядывали лежащие продукты, не веря в их реальность. Наконец Ваня обрел дар речи:

– Откуда все это? Или у нас видения начались с голодухи?

– Разговорчики в строю! – командирским голосом произнес Ванюша. – Всем немедленно за стол!

Впервые за сорок дней мы ели тушеное мясо с сухарями и пили чай с сахаром, печеньем и настоящей заваркой.

Когда царское угощение разместилось в наших желудках, мы

устроили Ванюше коллективный допрос. Он долго отмалчивался, но в конце концов сдался:

– Это мама дала мне перед отъездом в горы неприкосновенный запас на «черный» день. Но сегодня у нас праздник, и я решил, что настало время к нему прикоснуться.

– И ты терпел сорок дней, голодая вместе с нами, и не прикоснулся к нему? – с удивлением и восхищением воскликнули мы. Ванюша только развел руками.

– Не знаю, какой из тебя получится метеоролог, но человек из тебя вырос настоящий, с самой большой буквы. – сказал начальник отряда и крепко пожал практиканту руку. Вслед за Ваней мы бросились обнимать Ванюшу, горячо принимал его к сердцу. И вдруг что-то произошло, а что – мы никак не могли понять. Наконец, Граф осторожно произнес:

– Мужики, по-моему, дождь прекратился.

Мы замерли, прислушиваясь. Действительно, барабанной дробью капель по гранитным скалам слышно не было. Внезапно сквозь пелену серых туч проклюнулось яркое солнце. Громкое «ура!», трижды повторенное эхом, грянуло над горами Караугома. Мы обняли друг друга за плечи, образовав круг, и родился торжественный танец древних сванов, жителей соседней Сванетии. Небо на глазах меняло окраску, увеличивая размеры голубого пространства, обнажая вершины над ледником, да и сам лед, омытый многодневными дождями, засиял невиданной синевой и зеленью. И над солнечным миром, сбросив мрачное покрывало, воцарилась красавица Гулари, сверкая алмазными гранями

скальных гребней.

Настроение у всех сразу стало радостным и веселым, как в первый день нашего здесь пребывания, когда мы только начинали, работу. А начинали замечательно. Собирались мы в экспедицию, как всегда, спешно. Наблюдения над объектами природы по программе Международного Геофизического года по всему земному шару должны были начаться в один и тот же день и час, поэтому надо было торопиться, чтобы вовремя установить на леднике приборы, включить самописцы и провести первые наблюдения. Для ускорения движения к Караугому мы решили взять в рюкзаки прежде всего приборы и снаряжение, а продуктов только на три дня, потому что вслед за нами к леднику выходил караван с запасом продовольствия и горючего на четыре месяца. Начавшиеся проливные дожди спутали все планы.

Разместились мы вблизи ледника в красивейшем месте – на Райской поляне, так она именовалась на карте. И она действительно была райским местом. Это дно древнего приледникового озера, окаймленное горными склонами, густо заросшее кавказским рододендромом – вечнозеленым кустарником, цветущим крупными белыми и розовыми цветами. В этом году цветов так много, что не видно было темно-зеленых листьев. К нашему счастью, кроме рододендронов здесь росли красная смородина и ежевика с малиной. Мы почти неделю питались их ягодами, когда закончились наши продукты. А листья смородины, малины и ежевики служили нам заваркой для чая, а хвоя пихтового леса вокруг лагеря поддерживала наш жизненный тонус. Ледник

Караугом потряс нас своей грандиозностью и хаосом ледниковых трещин, красотой возвышающихся над ним вершин. В первые дни Караугом казался нам чужим и враждебным. Но за сорок экстремальных дней работы на нем, стал он для нас родным, многому научил, сделал настоящими мужчинами. Теперь мы даже не представляли, как будем расставаться с ним, как будем жить без него.

Солнечной была погода и на следующий день, и мы подсушили палатку, одежду и дрова. Сухих дров было много, поэтому после ужина мы развели большой костер и сели вокруг него. Что может быть приятнее, чем пить горячий чай, пахнущий дымком, сидя у костра и петь песни. Но когда мы начали песню о мутных струйках, которые медленно стекают за воротник, Ваня остановил нас.

– Прекратите немедленно! Давайте не будем петь песни, в каких есть слово «дождь», а то еще снова накликаем «всемирный потоп». Лучше пусть Литератор споет нам хорошую песню про любовь, какой мы еще не слышали. Как, Юрка, споешь?

Я немного подумал и сказал:

– Спою вам песню о любви геолога. О большой неразделенной любви.

Рельсы бегут, и скрывается шумный вокзал.
Жаль, что тебе, дорогая, всего не сказал.
Знаю, в дороге я встречу немало хороших девчат,
Но о тебе лишь по рельсам часто колеса стучат.
Но о тебе лишь по рельсам часто колеса стучат.

Очень недолго мы были знакомы с тобой,
Редко маршруты сводили нас общей тропой,
Редко в походе касался плечом дорогого плеча.
Сердце стучит, как по рельсам часто колеса стучат.
Сердце стучит, как по рельсам часто колеса стучат.

Думал, что сердца волнение уймется само.
Но позабыть, дорогая, тебя я не смог.
Кажется, будто сказала: «Зачем же об этом молчать?»
Нет, это, видно, по рельсам, часто колеса стучат.
Нет, это, видно, по рельсам часто колеса стучат.

Ой, ты дорога стальная, куда ты ведешь?
С девушкой можно расстаться, а вот от тебя не уйдешь.
Знаю, что в жизни я встречу немало хороших девчат.
Но о тебе лишь по рельсам: часто колеса стучат.
Но о тебе лишь колеса часто по рельсам стучат.

После моей песни мы долго молча сидели у костра, глядя на огромные звезды.

На следующий день нас ждал сюрприз. Традиционно, после обеда мы собрались у кострового грота на «политинформацию», как называл Ваня чтение вслух из его заветной тетради веселых афоризмов, историй, анекдотов. Чтение без конца прерывалось безудержным хохотом. Увлеченные происходящим, мы не увидели, как чуть в стороне от нас присел на камень грузный седой мужчина. А когда заметили его, глазам не поверили: перед нами

был наш научный руководитель, доктор географических наук Павел Васильевич Ковалев. Встреча была бурной и радостной.

– Все живы?! – то ли спрашивал, то ли утверждал Павел Васильевич, обнимая по очереди каждого из нас. – А мы уже думали, что вы погибли. Но я верил в ваше мужество. Вот взял три пуда продуктов в рюкзак и поспешил к вам через тяжелые перевалы. Зря я что ли мастером спорта по альпинизму стал? Рисковал, конечно, но к вам добрался. На поляну спустился, вижу – сидят, пересчитал – пятеро, значит, все живы. А ближе подошел, ваш смех услышал – даже жутко стало. Ну, думаю, парни от голода умом тронулись. А послушал, о чем читаете, понял: все в здравом уме находятся. Какие вы молодцы!

– Нас шестеро было, – перебил руководителя Ваня. – О шестом ничего не знаем. Ушел от нас он без разрешения через трудные перевалы.

– Не волнуйся, Иван Петрович, – обратился к Ване Ковалев. – Он благополучно добрался до альплагеря, вернулся домой. Ведь альпинист он классный.

– А мужик и товарищ никудышный! – зло воскликнул Геолог. – Я бы с ним в одной связке на вершину не пошел. Как альпинистом он стал с таким нутром?!

– Не приучил он себя преодолевать трудности, вот и скис. А вы достойно выдержали все испытания и не сдались. Жаль только, что данные наблюдений над ледником Караугом не попадут в Комитет МГГ. – взгляд Ковалева стал грустным.

– Как это не попадут? – возмутился Ваня. – Получается, мы

зря старались. А что делать с этим? – он достал из палатки все наши записи наблюдений, чертежи, таблицы, графики, профили и протянул Павлу Васильевичу. Ковалев был потрясен.

– Вы что работали под такими ливнями? – смахивая набегающие слезы, взволновано спросил он. – Ведь это же подвиг, научный подвиг.

– Не пропущено ни одно наблюдение, все работы велись по графику. – с гордостью вымолвил Иван Петрович. – Хлопцы у меня – орлы!

– Я горжусь вами, ребята! Задания экспедиции выполнены на отлично. – торжественно промолвил Ковалев. – Завтра свожу вас к озеру Микелий, потому что быть на Караугоме и не увидеть это озеро – преступно. А послезавтра свернем лагерь и начнем продвижение домой.

– А что, Международный Геофизический год уже окончился? – спросил Граф.

– Нет, Год продолжается, – ответил Павел Васильевич.

– Так почему же мы должны уходить? – возмущенно воскликнул Ванюша.

– Потому что вам надо отдыхать, вы работали в таких экстремальных условиях, что заслужили досрочный отдых.

– И никуда мы отсюда не уйдем! – выпалил Геолог. Впрочем, кто хочет, может уйти. А я остаюсь.

– Слушай мою команду! – воскликнул Иван Петрович. – Кто желает остаться продолжать наблюдения на Караугоме, два шага вперед!

Пятеро сильно исхудавших людей сделали эти два шага.

Потом мы провожали Павла Васильевича в обратный путь через перевал. Когда вернулись в лагерь, наступало время очередных наблюдений. Ваня выдал всем по две галеты и по пять кусочков сахара из принесенных Ковалевым продуктов, и мы отправились каждый на свою точку. Изучение особенностей природы уникального кавказского ледника Караугом продолжалось.

И по-прежнему каждый день по утрам над ледяными полями и снежными вершинами взлетали к небу слова песни-клятвы, песни-Гимна:

Будь отважен, мой друг, и спокоен,
Не ищи проторенных путей.
Закаленная ветром, и стужей, и зноем,
Только крепче любовь и сильней.

А путь и далек, и долог,
И нельзя повернуть назад,
Держись, геолог, крепись, геолог,
Ты – солнца и ветра брат.

ГЛАВА 9

АЗИЯ В МОЕМ СЕРДЦЕ

Меня часто спрашивают мои ученики, друзья, знакомые: «Вы много путешествовали по горным странам, видели разные горы, а какие из них Вам больше понравились, какие Вы любите больше других?»

Из 65 горных экспедиций, в которых я участвовал в течение 45 лет своей жизни, 48 проходили в горных районах Кавказа. Казалось бы, ответ на вопрос ясен. Но это не совсем так.

Горы Кавказа были моими учителями. Они научили меня общению с миром высоких вершин, вечных снегов и ледников, помогли мне стать своим человеком в горах, подарили неповторимую красоту и верных друзей. Разве можно не любить таких учителей? Эта любовь – священна.

Но есть еще любовь с первого взгляда. Как вспышка молнии, озаряющая тебя ярким светом. И пусть не обидятся Кавказские горы за это мое признание: самыми любимыми из всех любимых, самыми родными из всех родных гор для меня стали горы Средней Азии. Они обладают какой-то особой притягательной силой, какой нет у других горных районов. Знакомство с горами Средней Азии я начал с Тянь-Шаня – Небесных гор, как называют его в Китае. Притяжение Тянь-Шаня меня звало еще в детстве. Став взрослым, я посвятил ему четыре экспедиции. В первой, работая в степных предгорьях, я был сразу очарован волшебством Восточной ночи, и падающей звездой опустилась мне на плечо муза странствий и поэзии.

КАСКЕЛЕНСКАЯ НОЧЬ

Помню ночь в Каскелене:

здесь сумерки длятся недолго –
Только солнце зайдет,
И заводит баян
Там вдали,
покрывает все мягкая тьма...
песнь о нашей Красавице-Волге
где огнями светились поселка дома.

Долго звуки баяна

над степью ночью несутся.
Подпевая ему,
Очертанья предметов
А восточные звезды,
струны домры казахской звенят.
вот-вот с темнотою сольются,
как очи любимой, блестят.

Как приятно,

Лечь на землю,
Прошуршала змея,
Слышен стрекот в траве
окончив на поле дневную работу,
отдаться прохладной ночной тишине...
выходя на ночную охоту...
насекомых, неведомых мне...

Тишина ... Тишина ...

Он ласкает ее
И симфонии ночи
Покоренные ею,
Только галька с арыком играет,
тихой песней бегущей воды.
баян, наконец, уступает:
замолкли баяна лады.

Песня ночи восточной!

С чем может она быть сравнима?
В ней сливается то,
чем вся жизнь на Земле так полна.
И летит в вышину,
словно ветром могучим гонима,
Эта песня без слов –
набегающих звуков волна.

Мы заслушались ночью...

Костер угольками лишь тлеет.
Мы сидим очарованы,
сердца ликует, поет.
Тишина... Тишина...
С дальних гор ветерок вдруг повеет,
Тихо волосы тронет
и, слушая, снова замрет.

Ты подбросила веток –

костер заиграл языками,
Выделяя из тьмы
твои узкие чудо-глаза,
Твои косы, как ночь,
за худыми по-детски плечами,
И смутила мне душу
очей твоих дивных краса...

Только мы позабыли,

что есть еще губы и руки,
Мы молчали,
боясь даже словом спугнуть тишину.
Ну, а ночь продолжала
лить чудные, чистые звуки,
И журчала вода,
пробегая по узкому дну.

* * *

ЖЕМЧУЖИНЫ СЕВЕРНОГО ТЯНЬ-ШАНЯ

Хребет Заилийский Ала-Тау, расположенный на севере Тянь-Шаня, мне особенно дорог, потому что у его подножия раскинулся мой самый любимый город – Алма-Ата («Яблочный город»), утопающий в яблоневых садах, а на прилегающих горных склонах растут удивительные яблоневые леса, яблоки которых ничем не отличаются от культурных садовых плодов. А как благоухает город красотой и ароматом цветущих садов и лесов представить невозможно, это надо увидеть и прочувствовать самому.

Заилийский Ала-Тау так назван, потому что горы расположены за рекой Или. Ала-Тау – в переводе – «Пестрые горы». Пестрые от многоцветья горных пород, которыми они сложены, и буйства осенних красок растений на их склонах.

Заилийский Ала-Тау подарил мне свою жемчужину – горное озеро ИССЫК (не путать с Иссык-Кулем) с изумрудной водой, в которой отражаются сине-зеленые тяньшанские ели, густо растущие на крутых склонах,

Тяньшанская ель – это неповторимое чудо природы Средней Азии. Декоративная форма дерева воспроизводит детский рисунок елочки: от верха на 60-метровой высоте к низу ветви плавно увеличиваются в размерах, нижние ложатся прямо на землю, и ни одна ветка не выходит за линию контура дерева, как-будто ель подстригал умелый садовник.

К сожалению, мое любимое озеро ИССЫК было уничтожено селевым потоком в 1963 году.

Маршрут через КУНГЕЙ АЛА-ТАУ («обращенные к югу пестрые горы») привел меня к священному месту для всех географов и путешественников – могиле Николая Михайловича Пржевальского. Похоронен Великий Землепроходец на берегу озера ИССЫК-КУЛЬ в Киргизии, которое именуют Киргизским морем и сравнивают с озером Байкал в Сибири, называя Тяньшанским Байкалом. ИССЫК-КУЛЬ - в переводе, «теплое озеро». Говорят, что на дне озера бьют теплые ключи с целебной водой. Действительно, даже получасовое пребывание на берегу снимает усталость, придает бодрость, поднимает настроение.

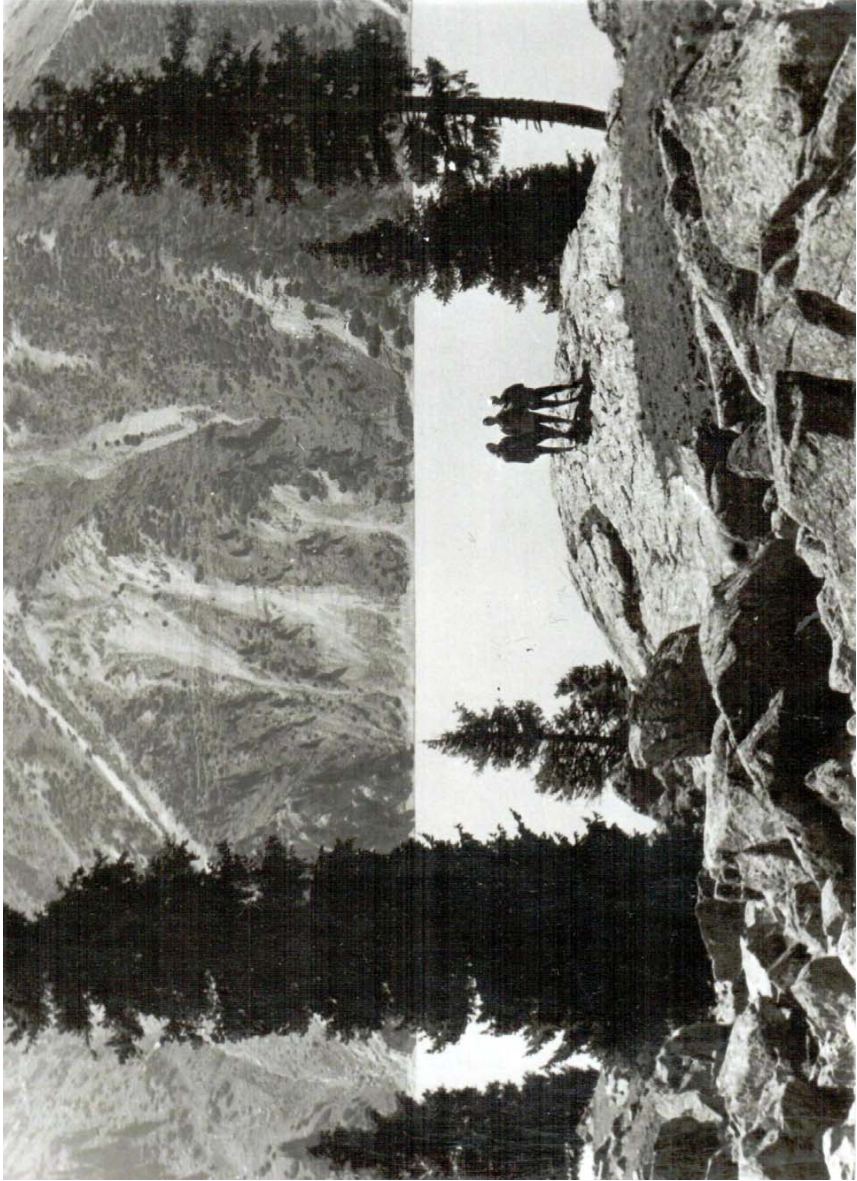
Глубина озера – 702 метра, так что Иссык-Куль входит в первую десятку самых глубоких озер мира, а по объему воды он в два раза превосходит Аральское море-озеро.

Настоящим чудом Тянь-Шаня является легендарный цветок – ЭДЕЛЬВЕЙС. В Европе до сих пор живет такое поверье: чтобы доказать девушке верность в любви, юноша должен подарить ей цветок эдельвейса, а для этого ему придется лезть по отвесным скалам, карабкаться по обледенелым склонам, задыхаться от недостатка кислорода, все время рискуя жизнью. Потому что европейский эдельвейс редко встречается и растет в укромных местах, в щелях крутых скал, высоко в поднебесье. Если парню повезет, и он, преодолев все трудности, добудет цветок, он докажет своей любимой что будет ей верным и надежным спутником в жизни.

Цветок эдельвейса – это серебристая звездочка, как-будто сделанная из бархата, относится он к семейству бессмертников, поэтому хорошо сохраняется в засушенном виде, а значит долго будет напоминать о том, кто его подарил.

В отличие от европейского, эдельвейс тьяншанский в два раза меньше размером (как двухкопеечная монета) и растет на высокогорных равнинах, образуя иногда целые плантации, но это не умаляет его легендарности. Ведь, чтобы владеть эдельвейсом, надо подняться в тьяншанское высокогорье, а это потребует определенного мужества.

Четыре десятилетия прошли со времени моего последнего свидания с Небесными горами, но Тьяншанское притяжение все еще будоражит память, и снятся сны о счастливом времени общения с природой гор Тянь-Шаня и друзьями, делившими со мной все радости и тяготы походов.

Силуэты Тянь-Шаня

* * *

ТЯНЬ-ШАНСКОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ

Я безумно влюблен

Этот край для меня в красоту голубого Тянь-Шаня.
Далеко от него я, стал на свете дороже всего.
Голубыми хребтами, но он меня манит и манит
сиянием вечных снегов.

Я навек полюбил

Изумруды озер неприступных утесов громаду,
Я оставил там сердце, и ущелий прохладную тьму.
Я люблю этот край, я там нахожу лишь отраду.
и остался я верен ему.

Все мне дорого в нем:

Опьяняющий ветер и ковер из цветов на джайляу,
Той, что в песнях акынов и ели-красавицы стан,
И в степях бесконечных воспета веками по праву,
лежащий внизу Казахстан.

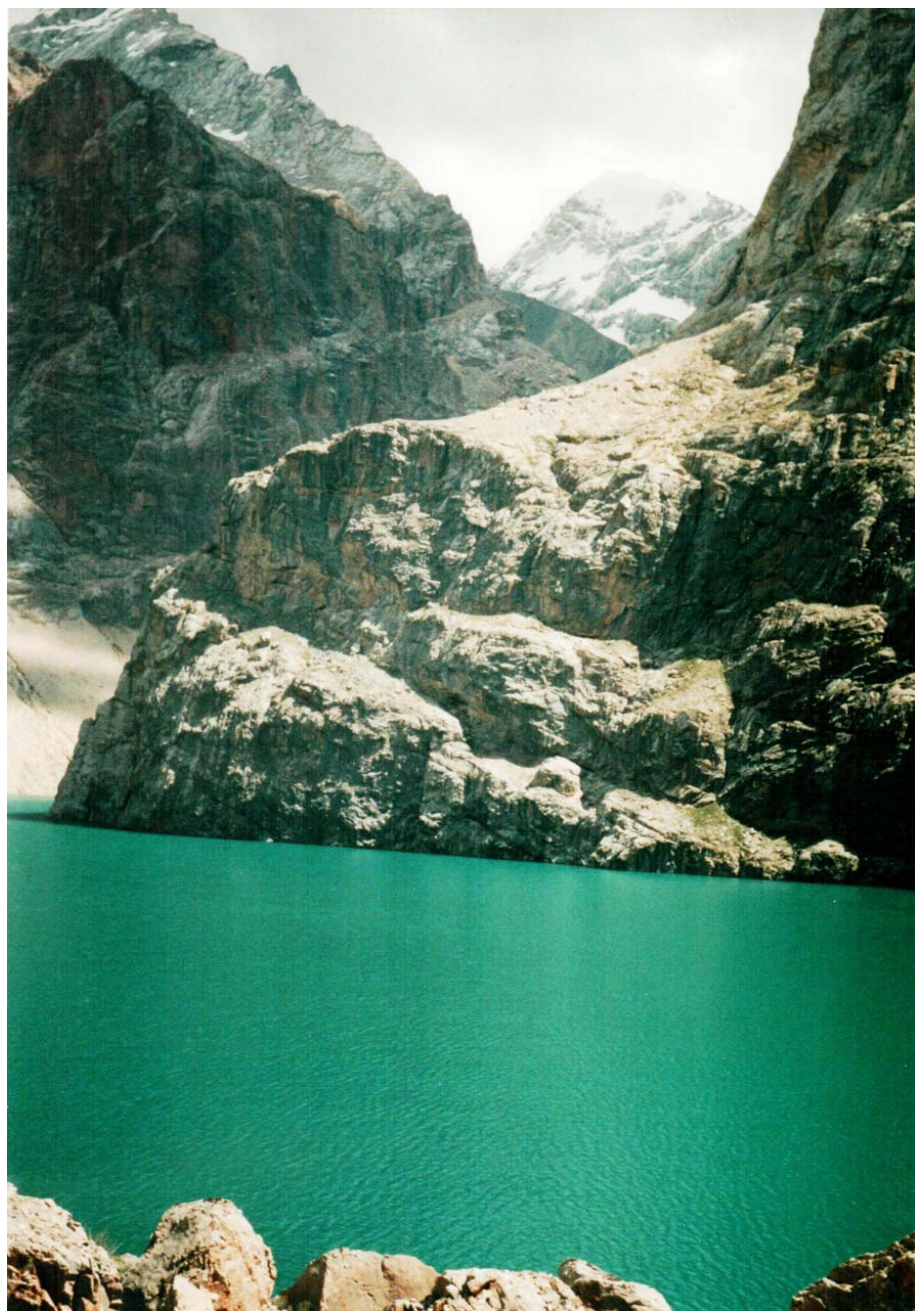
Я всем сердцем люблю

И ласкающий бархат малохоженных троп неизвестность
чудесных восточных ночей.
Всем, что нужно душе, так богата здесь горная местность...
Только нет здесь родных светло-синих, лучистых очей.

Этим теплым глазам

И они для меня я ведь больше, чем жизнью, обязан.
ведь единственный в мире маяк.
Как с Тянь-Шанским хребтом, с ними дружбой навеки я связан,
Как Тянь-Шань голубой, их забыть невозможно никак.

* * *

Озеро Алло. Вдали – вершина Чимтарга

А потом в мою жизнь вошел Юра Визбор, и мне открылся

ПАМИРО – АЛАЙ

Да, да, дорогой читатель, именно АЛАЙ. Так что не сетуй на компьютер за пропуск буквы, и не пытайся поместить эту букву посередине упомянутого слова. Потому что на планете нашей есть АЛТАЙ – горы на юге Сибири, и есть АЛАЙ – горный район в преддверии Высокого Памира. Речь пойдет о горах ПАМИРО-АЛАЯ, еще его называют ГИССАРО-АЛАЕМ, потому что лежит он между Гиссарским и Алайским хребтами.

ФАНСКИЕ ГОРЫ – ХРАНИТЕЛИ ЛЮДСКИХ СЕРДЕЦ

Все началось с песни Юрия Визбора «Я сердце оставил в Фанских горах», она привела меня в самые красивые горы Памиро-Алая, названные так, потому что могучая река Фан-Дарья собирает с них свои воды. Красота Фанских гор пленила меня, и я тоже оставил в них частицу своего сердца.

Вы бывали когда-нибудь Фанских горах
На Памиро-Алайском Гиссарском хребте?
Там легенды слагают о горных орлах,
Там вершины зовут вас к высокой мечте.

Там повсюду коварны природы черты:
Вдруг среди ясного неба завьюжит пурга.
Там над каменным морем большой высоты
Величаво, в полнеба, царит Чимтарга.

И во сне не увидишь такой красоты,
Не найдешь на Земле ты прекраснее гор...
Вновь пройду вместе с вами дорогой мечты,
Погружусь в синеву Маргузорских озер.

Если вы спросите, что самое красивое в Фанских горах, я отвечу: *озера*. Озер в Фанах много, красивейшие из них – озеро АЛЛО и озеро ПШТИКУЛЬ. Алло имеет несколько заливов, напоминающих скандинавские Фьорды, а Пштикуль лежит в глубокой «чаше», похожей на кратер потухшего вулкана. Цвет воды меняется от состояния неба, но всегда потрясает оттенками синевы. По берегам заросли древовидного можжевельника, или АРЧИ, а также дикой вишни, шиповника и ЭФЕДРЫ – лекарственного растения, напоминающего наш «заячий холодок», только это вечнозеленый кустарник. Из эфедры готовят лекарство от астмы - эфедрин.

Древовидный можжевельник – АРЧА ТУРКЕСТАНСКАЯ – по праву называется жемчужиной Памиро-Алая. Это хвойное деревце, высотой три-пять метров, дальний родственник нашей ТУИ, сохранилось до наших дней с доледникового периода и встречается только здесь. Поэтому среди деревьев много долгожителей. На берегу озера Алло растет самое старое дерево арчи, ему, как определили ученые, уже более 5000 лет. Арча имеет очень плотную древесину красивого телесного цвета, а стволы самых причудливых форм. Обильно пропитанные смолой, умершие деревья не гниют и продолжают украшать собой землю. Днем в арчовом лесу празднично светло, воздух пропитан ароматом горячей хвои, и ты, как-будто паришь в этом хвойно-солнечном пространстве. А лунной ночью, особенно, если в лесу стоит много стволов умершей арчи, ты теряешь ощущение реальности, мир вокруг становится фантастическим, пришедшим из сюжетов

волшебных сказок.

Несмотря на проблему с дровами, горные таджики не рубят даже мертвые стволы арчи, это дерево для них священо, возле очень старых деревьев они совершают моления богу.

К сожалению, арча начала постепенно вымирать. Ежегодно высыхает много деревьев, превращаясь в фантастические скульптуры. Арча перестала давать потомство: не размножается ни черенками, ни семенами, и будет ее очень нехватать прекрасной земле – Памиро-Алаю.

Название озера АЛЛО переводятся, как «уединенное». Оно действительно уединилось в окружении высоких гор, и путь к нему не из легких. Один ведет через безводное узкое ущелье Зиндон (в переводе: «Тюрьма»). Оно напоминает глубокую яму, в которой в древние времена держали осужденных). Другой – через перевал Чимтарга, высотой 4500 метров. С перевала открывается самый впечатляющий вид на озеро Алло: сине-зеленый драгоценный камень в обрамлении зубчатых крутостенных хребтов.

На этом перевале у нас произошел курьезный случай. Наши девчата Вика и Таня поднялись на седловину раньше мужского состава отряда и встретили нас возгласом: «К месту спуска не подходить, в сторону озера не смотреть!»

– Что случилось? – спросил я у Вики, сбрасывая с плеч тяжеленный рюкзак и помогая ребятам сделать то же самое.

– Там туристы стоят. Одна девчонка искупалась в озере и теперь сушится у дерева. Понимаете, на ней нет никакой одежды.

– Так это ж самое интересное! – воскликнул наш юморист

Дима, порываясь проскочить через заслон девчат к спуску с перевала. Вика с Таней подняли страшный шум, оберегая целомудрие наших мальчиков. Пришлось вмешаться:

– Ладно, подождем пока обсохнет эта «моржиха» и оденется потеплее.

Подождав с полчаса, я спросил у девчат: – Ну, что, уже можно смотреть на озеро?

– Нет, нет! – замахала руками Вика, – она все еще не одета.

– Начальник, можно я отнесу ей свое полотенце? – со слезой в голосе съюморил Дима. – А то еще полчаса ожидания, и я превращусь в ледышку.

Действительно, на перевале сильно похолодало, да и находиться долго на такой высоте вредно для здоровья. И я, отстранив Таню, подошел к спуску вниз. Без сомнения, на берегу озера у того самого древнего дерева арчи стояла обнаженная девушка и непонятно что делала: то ли сушила длинные волосы, то ли принимала воздушную ванну.

– Саша, – сказал я обладателю мощного бинокля, – тащи-ка свою «подозрительную» трубу, попробуем разгадать, почему эта красавица не спешит одеваться. – И когда Саша протянул мне бинокль, Вика вцепилась в него и со слезами стала стыдить меня за мои действия.

– Успокойся, девочка, я уже старый и мне можно смотреть на неодетых женщин, – сказал я и навел бинокль на фигуру у дерева. Я долго разглядывал в бинокль берег озера, пока Вика не вытерпела и с упрёком выдала:

– Может, хватит пялить глаза на несчастную девчонку? – Я промолчал, а затем на полном серьезе сказал:

– Сашок, хочешь полюбоваться на королеву Алло первым? – и передал ему бинокль.

– Так это же дерево! – через мгновение воскликнул Саша, – высохший ствол арчи. А по форме – точно девушка.

– Дерево? – с огорчением переспросил Дима, – А я то надеялся... И мы все дружно расхохотались.

С озером ПШТИКУЛЬ меня познакомил местный таджик, до этого я не знал о его существовании, на моей карте озера не было.

Мы шли вниз по долине реки добротной грунтовой дорогой. Проходила она высоко над рекой, спуска к воде не было, и ровных мест для установки палатки тоже. Навстречу нам снизу подъехал на лошади средних лет таджик. Как принято в Азии, остановились, пили чай из термоса и конечно разговаривали. Выслушав наш рассказ о маршруте, таджик вдруг спросил:

– А на озере Пштикуль вы были?

Услышав отрицательный ответ, он даже подпрыгнул от огорчения:

– Не видеть Пштикуля, – значит ничего не видеть на Памире! – и рассказал, как нам добраться к этому озеру. Ночевать без воды нам не хотелось, и мы решили переночевать у озера Пштикуль и заодно убедиться в справедливости слов таджика, а на завтра продолжить путь вниз. Когда к закату солнца мы подошли к озеру, Пштикуль превзошел все наши ожидания. Не придуманы еще слова, чтобы описать его красоту, ее надо только увидеть. У нас в

запасе до отъезда оставалось три дня, и мы планировали посвятить их знакомству с Ташкентом, откуда уходил домой наш поезд. Так эти три дня мы провели у озера Пштикуль, наслаждаясь неповторимым отдыхом среди красивой природы.

Много еще своеобразных и красивых озер в Фанских горах. Как драгоценные бусы, расположились семь Маргузорских озер, переливаясь одно в другое. Синими зеркалами отражают грандиозные пики в тихих водах Куликалонского и Алаудинского озера. Но все очарование озер Гиссарского хребта вобрало в себя озеро ИСКАНДЕР-КУЛЬ – озеро Александра Македонского. Хоть и был великий полководец завоевателем этих мест, и сейчас он пользуется у местных народов большим уважением и любовью. Я думаю, озеро Искандер-Куль – достойный памятник этому человеку.

Расположено озеро на северном склоне одного из отрогов Гиссарского хребта, на высоте 2150 метров, глубина его 80 метров. Со всех сторон озеро окружают высокие горы, длинным полуостровом вдается в зеркало Искандер-Куля скальный мыс. С ним связана волшебная легенда, до сих пор живущая в народе.

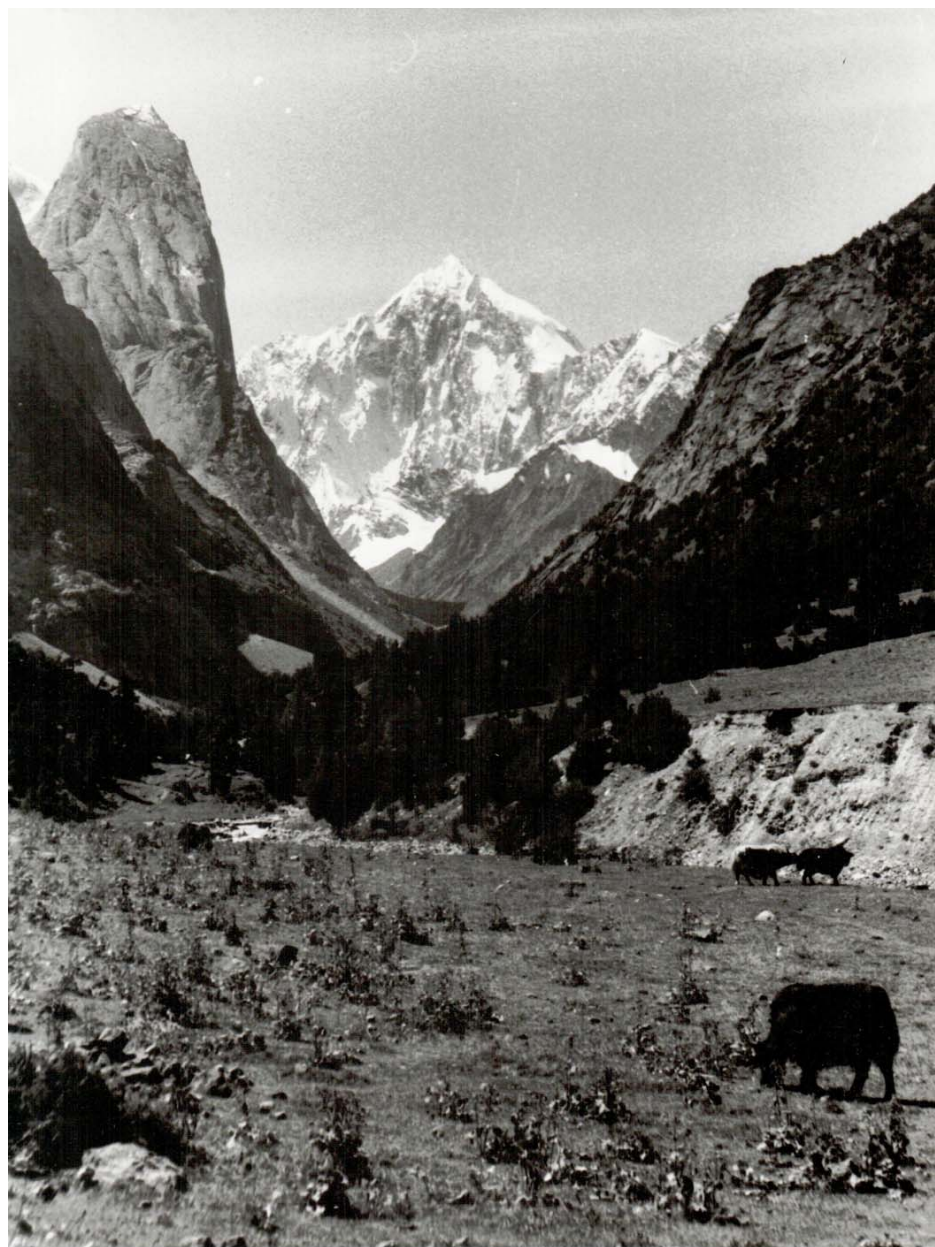
История гласит, что в этом месте войска Александра Македонского были разбиты предками современных таджиков. Александр в этом бою потерял своего любимого коня – Буцефала. Раненый конь утонул в озере. Чтобы легенда ожила в твоём воображении, надо выйти на этот мыс глубокой ночью. Хорошо, если светит полная луна, тогда вид на озеро и окружающие его горы более фантастичен. Легенда рассказывает, что ровно в

полночь из другого мира выходит на мыс Македонский и зовет своего любимого коня, Услышав зов хозяина, Буцефал выходит из глубин озера, Александр садится на него, и конь взлетает с ним вверх, на гребень гор, и до рассвета скачет по горам, услаждая всадника. Как только небо начнет светлеть, Буцефал привозит хозяина на мыс, а сам погружается в озерные глубины. Александр Македонский тоже покидает озеро и уходит в иной мир. И так повторяется все каждый день. Если сомневаешься, можешь проверить: проведи ночь у озера, а если и не встретишь великого полководца древности, то эта ночь останется в твоей душе на всю оставшуюся жизнь, как одно из чудеснейших ее мгновений. В жизни мне удалось трижды побывать в Фанских горах. Еще 10 лет я путешествовал по другим районам Памиро-Алая. Я побывал в самом сердце Дугобинской «подковы», прошел трудными перевалами Туркестанского хребта к 25-километровому Зеравшанскому леднику, поднялся к леднику Абрамова, откуда открываются изумительные виды на высочайшие вершины Центрального Памира, любовался фантастическими пиками Каравшина, изумил меня своей дикостью каньон реки Хазор-Меч. Но Фанские горы как первая любовь, живут в моей памяти, в моих воспоминаниях, в моих сновидениях, как самое светлое, самое радостное и счастливое в моей жизни.

* * *

Я сердце оставил
В Фанских горах...
(Юрий Визбор)

Сияние озер и дальний свет вершин
В глазах моих стоят и вновь зовут меня
Пройти сквозь колдовство затерянных долин
И нестерпимый зной расплавленного дня.
 Стремлюсь душой туда, где мчится сквозь века,
 Полям давая жизнь, а мне судьбу дая,
 Рожденная во льдах могучая река –
 Красавица Гиссар, как песня, Фандарья.
Мне память донесет смолистый дух арчи.
Вновь скал коснусь рукой, их ощутив тепло.
Увижу звездопад в таинственной ночи
На берегу крутом у озера Алло.
 И покорится мне вновь Тавасанга склон,
 И позовет меня на скалы Пушноват,
 И отразит опять вода Куликалон
 Алаудинских пиков мужественный взгляд.
Мне снится по ночам тех пиков высота,
Есть от чего теперь мне потерять покой.
Открылась в жизни мне большая красота,
Перевернул всю жизнь мне перевал Двойной.
 Как талисман от бед, мне бусы Маргузор.
 На прочность испытал меня в пути Зиндон.
 О, как мой путь далек теперь от Фанских гор.
 Сдержу в груди своей разлуки тяжкий стон.
Приснится мне опять волшебный синий сон:
Под ноги ляжет мне крутой тропы клинок,
И призраком сверкнут снега Стены Дукдон,
Как клятву, прошепчу я: «перевал **Казнок**»
 И снова поведет меня моя мечта
 Туда, где в синь озер глядятся цепи гор,
 Туда, где лишь в цене большая высота,
 И где, как солнца свет, очей счастливых взор

Пик Пирамидальный – главная вершина Туркестанского хребта

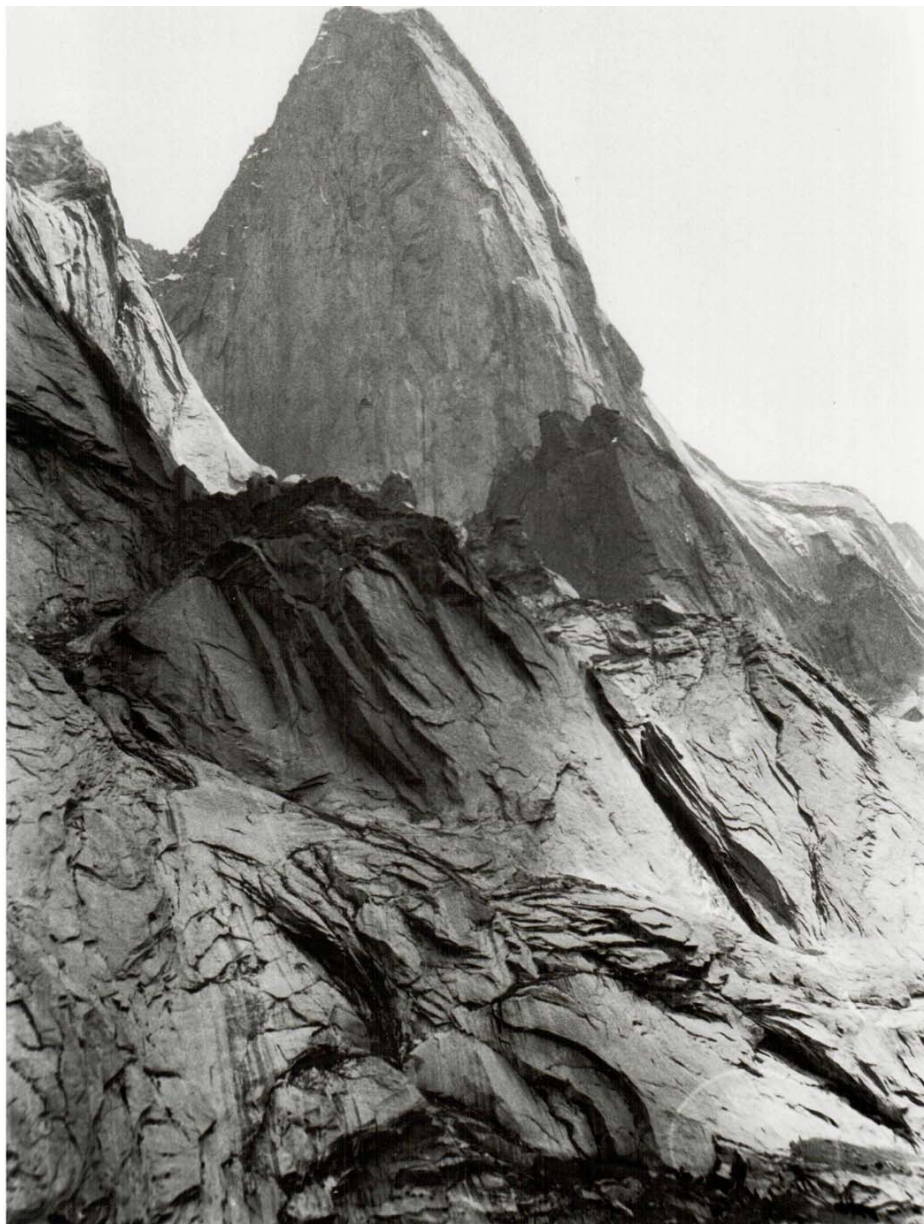
БЕЗЫМЯННЫЕ ИСПОЛИНЫ КАРАВШИНА

Средь Памирских высоких вершин
Бурно воды несет Каравшин
По священной Киргизской земле,
Чтоб навеки остаться во мне.

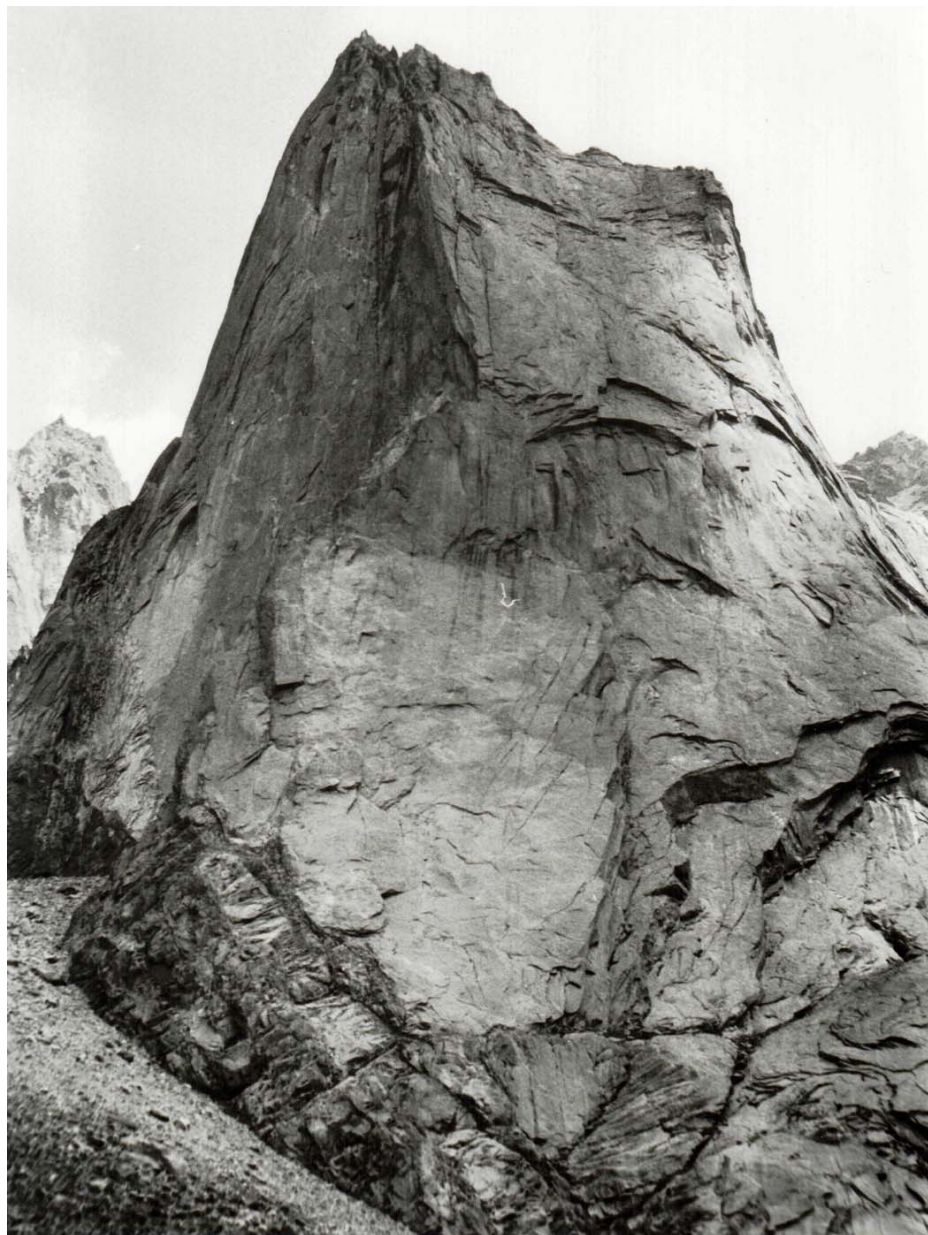
Эту землю я очень люблю,
И любовь к ней я вам подарю,
Чтобы стал вам родным Каравшин –
Край высоких и гордых вершин.

Каравшин – это участок Туркестанского хребта на Памиро-Алае, где берут начало истоки одноименной реки. Этот горный район уникален прежде всего тем, что был открыт для туризма и альпинизма только в 1989 году совершенно случайно, а до этого никто из путешественников даже не подозревал о его существовании.

Открытие Каравшина послужило решение провести в нашей стране Международные соревнования по скалолазанию. Понадобились скальные стены с маршрутами высшей категории трудности. Много дней искал их Председатель Федерации альпинизма в различных горных районах страны, но безуспешно. Не был исключением и Памиро-Алай. Заканчивая облет Туркестанского хребта, Председатель попросил вертолетчика совершить еще один круг над горным районом. Пилот в сердцах развернул резко вертолет, и Председателя отбросило к противоположному иллюминатору. И он увидел горные гиганты Каравшина. Километровыми стенами поднимаются они в небо в истоках рек Кара-Су и Ак-Су – нетронутая восхождениями горная страна.

Каравшинские пики

Каравшинские пики

Уникальность природы Каравшина – в особенности его геологического строения. Много миллионов лет назад сквозь толщи белых и розовых мраморов Туркестанского хребта по вертикальным трещинам земной коры прорвалась на поверхность вязкая гранитная лава и застыла в виде отвесных стен, высотой от 980 метров до полутора километров от подножья до верха. Таких образований пока не обнаружено больше нигде на земном шаре. Вот почему Каравшин стал местом паломничества горных туристов и альпинистов из дальнего и ближнего зарубежья. Альпинистские маршруты здесь начинаются с пятой категории сложности, средняя высота над уровнем моря вершин – пять тысяч метров. Поэтому большинство пиков Каравшина остаются непокоренными и безымянными.

Каравшин условно делится на Западный и Восточный. Западный Каравшин включает бассейны рек Ак-Су и Кара-Су. Первым здесь встречает путника белоснежный пик Пирамидальный (5509 м) – высшая точка Туркестанского хребта. При взгляде на этот пик поражает его удивительное сходство с высочайшей вершиной мира – Эверестом. А неподалеку устремляются в небо километровые стены двух вершин Асан-Усан, что в переводе означает «Близнецы». Они действительно очень похожи по форме друг на друга и являются самыми низкими из разведанных Каравшинских Стен – 980 метров от подножья до вершины. А самой высокой считают вершину Птица, парящую над ледником Ак-Су. Точная высота Птицы пока не известна, потому что на нее еще не ступала нога человека. Предполагают 2000 метров от

подножья до верха. Пробовали подняться на Птицу асы итальянского альпинизма, покорители всех гималайских восьмитысячников, но «духа» хватило только на 200 метров отвесных скал, где каждый шаг подъема требует забивания шлямбурных крючьев в монолитную гранитную толщу и навешивания стремян и лесенок. Руководитель итальянцев после неудавшегося восхождения с пафосом воскликнул: «Скорее люди покорят в будущем вершины на Марсе и Венере, но никогда человек не ступит на вершину Птицы».

Долины рек Ак-Тюбек, Дукенек и Орто-Чашма относятся к Восточному Каравшину. Его пейзажи более суровые, неприветливые. Могучие обледенелые вершины Туркестанского хребта высятся над узкими долинами, по которым сползают языки ледников, заваленные хаотичным нагромождением огромных каменных глыб. Редкие заросли арчи и зелень альпийских лугов смягчают суровость горных пейзажей. Именно здесь встречаются целые поля памирских эдельвейсов.

День за днем демонстрирует нам Каравшин свои восхитительные картины природы, требуя взамен полной отдачи сил, энергии, умения, мужества. И всегда приходили к нам на помощь местные жители: пастухи, охотники, геологи – таджики и киргизы, узбеки и русские. Их гостеприимство, сердечное участие, доброта, человечность – вот главное, что мы уносим в своих сердцах и памяти из путешествия по Каравшину.

КАРАВШИНСКИЕ ТРОПЫ

Каравшинские тропы! Мне с чем вас сравнить?
Вы – меж прошлым и будущим крепкая нить.
Шли по вас караваны далеких веков,
В камни ваши впечатаны сотни подков.

То вздымаетесь вверх, то спускаетесь вниз,
То широкие вы, то над бездной карниз.
Но куда б не вели вы сквозь стужу и зной,
Приводили вы к людям с прекрасной душой.

И тогда в очаге раздувались угли,
П лепешки ложились на яркий платок,
И, как сок животворный той древней земли,
Наливался в пиалы кок-чая глоток.

И часы проходили в беседе живой,
И кумган закипал много раз на огне...
И ты вдруг забывал, что совсем уж седой,
И физических сил прибавлялось вдвойне.

И ложились под ноги дорога мужчин,
И ты шёл, окрылённый людской добротой,
И вздымались зубцы Каравшинских вершин,
Похваляясь своей неземной красотой.

Каравшинские тропы, мне с чем вас сравнить?
Между всеми людьми вы – крепчайшая нить,
Вы – привет из далёких, ушедших веков...
Как подарок на счастье – след конских подков.

* * *

ЭКЗАМЕНУЕТ ПЕРЕВАЛ КШЕМЫШ

Пройти через перевал Кшемьш в массиве Ак-Терек Туркестанского хребта Памиро-Алая – было давней моей мечтой. Перевал трудный, 2-Б категории сложности: высота 4300 метров над уровнем моря, километровый подъем по вертикали – 500 метров по ледовому склону и 500 метров по скалам, выходящим из-под снега, при среднем уклоне в 50 градусов. Но не спортивный интерес родил мою мечту: за перевалом находились два объекта горной природы, увидеть которые стало заветной моей целью. Это пик ИГЛА (4750 м), в котором сходятся четыре памирских горных хребта: Гиссарский, Туркестанский, Зеравшанский и Алайский, и 25-километровый **ЗЕРАВШАНСКИЙ ЛЕДНИК** – Малая Антарктида Памиро-Алая.

Год назад я подробно ознакомился с условиями перевала Кшемьш, осматривая его в бинокль с перевала Щуровского, расположенного напротив. И принял решение: штурмовать! Тактику подъема на Кшемьш мы приняли такую: подниматься с одноименного ледника, оставив внизу половину тяжелых грузов, на ледяном участке склона выбить ледорубами ступени, по которым спуститься за оставшимся грузом с пустыми рюкзаками, на скало-снежном участке подниматься, применяя лазание, на перевале заночевать, чтобы утром провести качественную кино-фотосъемку.

Пока мы завтракали, нас опередила группа туристов из Прибалтики, экипированные для сверхстраховки: «кошки» и каски у каждого, новенькие ледорубы сверкают никелем на солнце, на

шее позванивают в такт шагам страховочные крючья всех выпускаемых видов, мотки капроновых веревок под клапанами разноцветных рюкзаков со станками. Бравые парни одарили нас снисходительным взглядом и начали подъем на «кошках». Мы дали им возможность подняться метров на сто и начали восхождение. Лед был крепким, и рубка ступенек отнимала силы и время. Прибалты периодически кричали нам сверху: «Эй, самоубийцы, спускайтесь вниз, вы здесь не пройдете». Конечно, по сравнению с ними мы выглядели очень бедно: два ледоруба на четырех, одна пара «кошек» у руководителя, большие «абалаковские» рюкзаки неопределенного цвета. Но мы упорно продвигались вверх, нас звал к себе Зеравшанский ледник с Пиком Игла, от которого он начинался. Но когда прибалтийцы сообщили нам, что наверху появился участок с натечным льдом, я увидел страх в глазах Андрея и Игоря. Только 13-летняя Леночка невозмутимо утаптывала ступеньки, которые я рубил ледорубом. Несмотря на малый возраст, эта девочка, четвертая в своем роду горная путешественница, в прошлом году уже приобрела туристский опыт в Горной Раче Грузии, преодолев трудный перевал Геби-Вцек.

Бравые парни из Прибалтики вышли на скально-снежный участок склона и начали заколачивать в скалы крючья для страховки, которые почему-то у них то не вбивались, то выпадали. Каждый новый крюк вызывал поток обломков камней, который летел прямо на нас, и мы юркнули под нависающую каменную плиту, к счастью оказавшуюся неподалеку. Больше часа мы сидели под этой «крышей», слушая барабанную дробь по плите больших и

малых камней, а у прибалтов страховка все не ладилась. Тогда я решил найти обходной путь наверх, минуя камнепадный участок. В напарники взял Игоря, и прихватив веревку, мы начали подъем по безопасному склону. До перевала оставалось пару десятков метров, когда Игорь воскликнул: «Смотрите, эта каменная «доска», по моему, находится как раз над местом, где сидят наши ребята. Если спустить с нее веревку, то мы поднимем наши рюкзаки и Лену с Андреем. А отсюда до перевала уже недалеко». Я молча пожал Игорю руку, и мы приступили к работе. Через полчаса все были уже на перевале, а еще через полчаса – пили ароматный кофе, сидя у палатки, установленной на добротной альпинистской стоянке с выложенной из каменных обломков ветрозащитной стенкой. Прибалтийцы перестали стучать молотками, и вскоре мы услышали их тяжелое дыхание совсем рядом внизу. Первым появилось над кромкой обрыва лицо их руководителя. Выпучив глаза от удивления, он на какое-то мгновение застыл на месте, а потом между нами состоялся диалог:

– Самоубийцы, вы уже здесь?

– Как видите.

– А как вы раньше нас здесь оказались?

– Очень просто: две руки, две ноги и умная голова – как ходили в прошлом все великие путешественники. Ледорубов и «кошек» у них не было, на вершины поднимались в керзовых солдатских сапогах, а для страховки применяли пеньковый канат – тяжелый и неудобный.

– Ну, вы даете! – только мог сказать инструктор прибалтов. И

тут он заметил установленную нами палатку.

– Вы что, здесь ночевать собрались? Зачем?

– А чтобы завтра утром сфотографировать и снять на кинолентку эти изумительные пейзажи. Сегодня уже поздно, да и свет с другой стороны.

– Нет, вы точно сумасшедшие!

От предложенного кофе они отказались, и со всех ног устремились вниз. А мы остались ночевать, и долго не уходили в палатку, любуясь видом Млечного Пути, раскинувшего над нами огромные звезды. Такого в наших краях никогда не увидишь.

Утром мы больше часа снимали на фото- и кинокамеры открывшиеся пейзажи. Рядом с нашим лагерем демонстрировал свою мощь пик Кшемьш-Баши (5290 м) со «свитой» из не менее солидных вершин. А на спуске мы были потрясены видом на массив АК-ТЕРЕК (в переводе название массива – «Белое Дерево»).

Больше десятка ледников справа и слева симметрично расположились вдоль реки Герез-Су, как ветви гигантского дерева. А над ними высятся могучие пики самых разнообразных форм и размеров. После слияния всех притоков «Белого дерева» река Герез-Су получает имя Матча-Су. Здесь находится популярный у альпинистов горный район МАТЧА. И конечно мы не удержались от подъема на перевал МАТЧА-1 (4010 м, 2-А), чтобы еще раз полюбоваться пейзажами Зеравшанского ледника.

После впадения в реку Матча-Су потока ЯШИЛЬ-КЕЛЬ река получает имя Ак-Терек. Наш дальнейший путь лежал в верховья реки Яшиль-Кель, где на одноименном леднике находится перевал

с таким же названием. Через него можно пройти к поселку Бегиссия, откуда начинаются автомобильные пути, ведущие в цивилизацию. Так было написано в книге Л. А. Максимова, которую мы использовали при составлении маршрута. А на местности оказалось полное несоответствие написанному. И тут начались наши злоключения. Чтобы спуститься с обрыва на ледник Яшиль-Кель нам нехватило 10 метров веревки, но все же мы спустились. На реке Ярхич, по Максимова, должен быть железный мост, которого не оказалось. Переправа через реку вброд была невысказана. Хорошо, что по пути сюда мы заметили небольшой снежный мостик через реку, упирающийся в отвесные берега, уходящие в бурлящую воду. Через этот мостик Игорь и Андрей по скалам перешли на противоположную сторону реки, была навешена веревочная переправа, наши рюкзаки, и я с Леной оказались на том берегу, и мы продолжили путь в цивилизацию. В конечном итоге мы опоздали на самолет, на который были заказаны билеты. Но все эти неприятности никак не умаляют тех счастливых мгновений, какие мы испытали во время нашего похода через перевал КШЕМЫШ. На нашу долю природа отпустила целый комплект трудностей, испытывая нас на прочность. Я счастлив, что этот экзамен все сдали на «ПЯТЬ С ПЛЮСОМ».

Ледник Абрамова

НА «ЧЕРДАКЕ МИРА»

Если Центральный Памир
Называют «Крышей Мира»,
То ледник АБРАМОВА –
Его «чердак».

*(мнение некоторых горных
туристов)*

10-километровый ледник АБРАМОВА лежит на обширном плато между АЛАЙСКИМ хребтом и горным массивом ТЕКЕЛИК и питает водой реку КЕК-СУУ (в переводе: «Зеленая река»), он включен в состав Всемирных памятников природы. Долгое время на леднике работал Научный Центр, который занимался комплексными исследованиями уникальной природы этого уголка Памиро-Алая. Здесь вырос настоящий городок с дизель-электростанцией и собственным аэродромом, радиостанцией, в нем жили и трудились не только ученые разных стран, но и большой обслуживающий персонал. К сожалению, вторгшиеся из Афганистана боевики уничтожили этот Научный Центр, правда, пощадив его работников.

Ложе ледника – это громадное плоское плато, поэтому поверхность льда настолько ровная, что работники метеостанции ездили к точкам наблюдений на мопедах, несмотря на четырехтысячную высоту над уровнем моря. По кромке ледниковое плато окаймляют невысоко поднимающиеся отдельные вершины, не закрывающие собой дальние краевиды. Самая красивая из них – пик САРНИГМИ. Ощущение необыкновенного простора

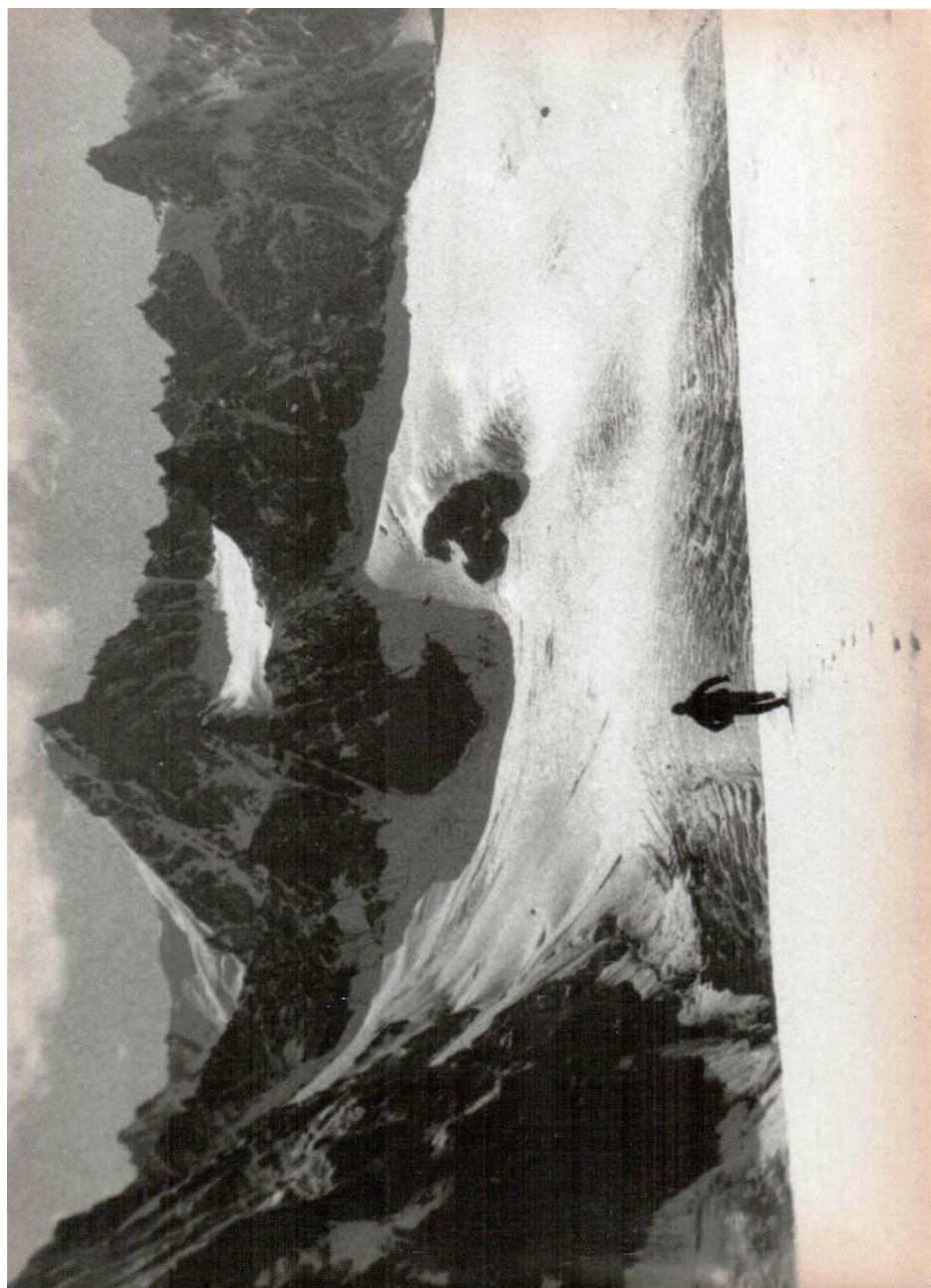
охватывает здесь человека. Впечатление усиливается в солнечный день, когда над вершинами проплывают кучевые облака.

Несомненно, это один из уголков, куда природа позволяет заглянуть лишь немногим.

Перевалы на юг с ледника Абрамова в сторону Центрального Памира лежат на кромке ледникового плато, поэтому на них выходишь без подъема или даже спускаясь сверху вниз. Самые популярные перевалы: Северный Бокбаш (4240 м) и Гадайюлы (4470 м). С этих перевалов открывается неповторимый вид на вершины-восьмитысячники Центрального Памира: пик Коммунизма (высшая точка Памира – 7495 м над уровнем моря), пик Евгении Корженевской, пик Москва и другие, а также на Заалайский хребет с пиком Ленина во главе. Центральный Памир – особая пограничная зона (рядом Афганистан!), куда пропускают сейчас только научные и альпинистские экспедиции.

С востока ледник Абрамова сопровождают вершины и ледяные поля массива ТЕКЕЛИК – места дикого и почти не посещаемого. Это район потенциальных открытий и восхождений.

В близи ледника Абрамова есть еще один живописный участок Алайского хребта – окрестности перевала Кара-Казык. Через этот перевал проходит самый легкий путь в населенную местность. С Кара-Казыка еще раз можно полюбоваться вершинами Центрального Памира, лелея мечту когда-нибудь побывать и там. Не торопитесь покидать перевал Кара-Казык, посидите в звенящей горной тишине, прикасаясь сердцем к этой первозданной красоте, чтобы осталась она в памяти вашей на всю оставшуюся жизнь.

ГЛАВА 10

ЛЕГЕНДЫ И БЫЛИ ГОР

ТАЙНА «ЧЕРНОГО АЛЬПИНИСТА»

(рассказ)

«...говорят, здесь бродит «черный альпинист».

«Черный альпинист» – это что?

«Не что, а кто! А кто его знает!

– А почему он черный?

– А ходит всегда в черной штормовке с надвинутым на глаза капюшоном.

– Я слышал, что по ночам он легко проникает в палатки туристов и альпинистов и заглядывает в лица спящих девушек, будто ищет кого-то.

– Так это инопланетянин! Они все ходят в черном и похищают женщин, а потом вступают с ними в интимные связи.

– Инструктор, миленький, можно я теперь перейду в палатку мальчиков? Что, нельзя? Тогда я совсем спать не буду, от страха.

– Да бросьте вы сочинять! Он наш, земной человек, горец. Просто ему изменила любимая девушка, и он ищет ее, чтобы отомстить, у них с этим строго.

– Ты что, с ним общался? Нет? А говоришь! Страшилки все это...

(из разговоров за вечерним туристским костром в горах)

– Я общался, – вдруг тихо сказал инструктор.

Все сразу замолчали, а потом обрушили на руководителя шквал вопросов и восклицаний. Ему долго пришлось взывать к тишине, пока он начал рассказывать...

«Было это три года назад, я работал инструктором на турбазе и еще не знал правды. Разговоров о «черном альпинисте» тогда ходило много, но я не верил, считал выдумкой горцев, ведь они большие мастера рождать легенды. И вот однажды...

Я вел группу по маршруту. Отряд был молодежный: боевые юноши и бедовые девчата. В общем, студенты.

В тот день у нас была «дневка», мы отдыхали после трудного перевала. Вечерний костер разожгла еще до заката, и вот так же, как мы с вами сейчас, пили чай и обсуждали план завтрашнего дня. И вдруг кто-то из девчат воскликнул: «А к нам гости!» и сразу же вслед за возгласом раздался дружный девчачий визг, и вся наша женская половина бросилась бежать кто куда. Я осмотрелся по сторонам и обомлел: по склону к нашему лагерю быстро спускался человек в черной куртке с надвинутым на глаза капюшоном, неся на вытянутых руках безжизненное тело женщины.

Незнакомец подошел к нашей стоянке, не обращая внимания на застывших в страхе ребят, бережно положил тело женщины на землю и стал осматривать его. И тут мы заметили, что одежда женщины обильно пропитана кровью, которая местами все еще сочилась.

Человек в капюшоне наконец бросил взгляд в нашу сторону, выпрямился и подошел ко мне.

– Слушай, у тебя есть аптечка? Девушке нужно остановить кровотечение, она уже много потеряла крови. А в моей аптечке пусто.

– Кто ее так? – спросил я, подойдя к лежащей без сознания девушке.

– Она сорвалась при подъеме на Стену Пика Надежды. Ты же знаешь, что за ледопад под Пиком. Это чудо, что она осталась живой. Но сильно изранена. А эти подонки, ее спутники, даже не удосужились проверить, жива ли она. Не захотели рисковать жизнью. Ты встречал их утром, они шли тебе навстречу, очень торопились.

Ребята принесли аптечку «Скорой помощи». Незнакомец вынул из ножен, висящих на поясе, кинжал, разрезал слипшиеся участки одежды девушки и стал обрабатывать раны. Я залюбовался его ловкими, точными движениями. Несомненно, передо мной был медик-профессионал высокого класса. К тому же, классный альпинист, не ниже мастера спорта, если сумел поднять пострадавшую из хаоса камня и льда под Пиком Надежды. Мысль о «черном альпинисте» снова вкралась мне в голову.

Вероятность его инопланетного происхождения становилась для меня очевидной.

При очередном прикосании к ране девушка внезапно вскрикнула и протяжно застонала. «Пришелец» даже подпрыгнул от радости и закружился в каком-то шаманском танце, приговаривая: «Ай, молодец! Ай, умница! Кричи, кричи, не держи боль в себе! Так скорей поправишься». Раненая заметно приходила в себя. «Инопланетянин» то ли от всех эмоций упарился, то ли, чтобы не напугать девушку, сбросил капюшон куртки с головы, и я смог рассмотреть его лицо. Оно мне показалось очень знакомым.

Густая черная борода окаймляла его снизу, переходя в такую же густую шапку волос. Часть лба и щеку пересекал глубокий шрам, и это делало незнакомца похожим на киноактера Олега Стриженова в роли Овода в старом фильме «Овод». Но не это было главным в моей памяти, Она мне сигналила, что «Пришелец» напоминал мне кого-то другого, и не ошиблась. Когда я увидел, что на левой руке незнакомца нет двух пальцев, мои сомнения сразу рассеялись: передо мной был старший инструктор альпинистского лагеря «Звездный» Реваз Дзахоев, которого мы похоронили два года назад.

– Реваз, это ты? – как бы невзначай тихо спросил я, глядя в другую сторону. Он встрепенулся, первой реакцией на вопрос было «бежать». Но потом он взял себя в руки и с усмешкой сказал:

– Нет, это уже только дух Реваза, – и вдруг бросился ко мне, обхватил своими сильными руками и воскликнул:

– А все-таки ты узнал меня, дружище, и не побоялся признаться в этом!

После того, как пострадавшую перенесли в женскую палатку и она уснула, мы с Ревазом окунулись в беседу. Я задавал вопросы, а Реваз давал на них ответы.

– Реваз, я очень рад, что ты жив! Твоя смерть была для нас большой потерей. Твое тело привезли с восхождения твой друг Валерий и твоя девушка Лена. Мы похоронили тебя на кладбище альпинистов и оплакивали в альплагере, а твоя девушка до сих пор носит траур. Они что, не знают, что ты жив?

– И не узнают! Потому что нет у меня теперь ни лучшего друга, ни любимой девушки. И чтобы ты не задавал много

вопросов, послушай историю, как я умирал и воскресал.

Реваз замолчал, собираясь с мыслями, и я видел, как тяжело ему было вспоминать о давних трагических событиях.

– Ты же знаешь, что я много лет был влюблен в Леночку, и мы уже собирались пожениться. Я даже калым ее родителям приготовил, как это требует наш обычай. А тут появился в альплагере новый работник Валера и начал ухаживать за Леночкой. А она возьми и влюбись в этого Валеру. И меня она тоже любила. И начала Лена метаться между двух женихов, не зная, кого из них выбрать в мужа. Наконец, решила она поступить по нашему обычаю: устроить состязание между двумя кандидатами. Кто победит, тот и станет ее мужем. А раз мы альпинисты, то и соревноваться мы должны во время восхождения на еще не покоренную вершину.

Выбрали мы вершину и начали подъем. Вершина незнакомая, проложенных маршрутов на ней нет, разведку не проводили, поднимались наугад. Лена шла налегке, а мы горбатились под тяжелыми рюкзаками. Да еще все время должны были исполнять роли рыцарей. Для меня все это большого труда не составляло, а вот Валерий стал выдыхаться. Видя мое первенство, он и задумал свое предательство.

На третий день Валера предложил изменять тактику подъема: сначала налегке обрабатывать маршрут, навешивать перила, забивать страховочные крючья, а потом по готовому маршруту подниматься с грузом. Я согласился. Полдня мы обрабатывали маршрут на крутом гребне, который вел к самой верхней точке

вершины. А утром следующего дня начали подъем с грузом. На самом трудном участке Валера предложил мне идти первым, мотивируя тем, что на этот раз его черед помогать Лене. Я не возражал. Вскоре я заметил, что крючья по скалам стали уходить с более легкого пути на трудный и рискованный. Последний крюк был забит на каменной доске с отрицательным углом уклона. Дальше крючьев вообще не было. Здесь вчера обрабатывал маршрут Валерий. Значит, он решил победить меня таким способом. Дальше пути не было. Чтобы вернуться назад, надо перестегнуть карабин страховочного пояса на нижние перила, а для этого забить минимум еще два крюка. Но запас крючьев находился в рюкзаке у Валерия. Решил попробовать без страховки, уже почти получилось, как вдруг единственный крюк на скале, страховавший меня, не выдержал нагрузки и вылетел из гнезда. И я, увлекаемый своим рюкзаком, полетел вниз головой в пропасть. Но мне повезло: рывок, падение останавливается, и я повис головой вниз. Нижняя пряжка пояса рюкзака расстегнулась, рюкзак завис в свободном пространстве, крепко держа меня за плечи в вертикальном положении только вверх ногами. После неудачных попыток освободиться от рюкзака я стал терять сознание от прилива крови к голове. И сквозь сильный звон в ушах я услышал истошный крик Леночки: «Добей его, добей его, пусть не мучается». Дальше начались видения: вокруг появились разноцветные огни, стало невыносимо жарко, резкая боль пронзила лоб и щеку. И вдруг стало легко голове, рюкзак ее уже не тянул вниз...

Реваз снова надолго замолчал, переживая давние события... Я терпеливо ждал продолжения рассказа. Уголовное преступление, совершенное инструкторами альпинизма Валерием и Еленой было налицо. Реваз внезапно подхватился, глянул на часы и сказал:

– Сейчас спасательная горная служба выходит на связь. Свяжись с ней и сообщи о девушке. Пусть пришлют вертолет. Скажешь – принесли пастухи или охотники. Мне ведь нельзя объявляться в мире, сам понимаешь. Для всех я умер, меня нет на земле. Есть мемориальная доска на альпинистском кладбище. Я там был, даже положил любимые цветы на свою могилку.

– Ну, а как же ты все-таки выжил? – задал я к месту свой главный вопрос.

– Спасибо старшему брату, который здорово гонял меня в детстве, обучая хитрым приемам акробатики. Он ведь у нас цирковой акробат, заслуженный мастер спорта и заслуженный деятель искусств. Несколько приемов акробатики, и я снова принял нормальное положение: головой вверх.

И спасибо бывшему другу Валере, что по приказу моей Леночки решил облегчить мои последние мгновения, стреляя в меня из ракетницы. Одна из ракет, наверное, приземлилась на рюкзаке и пережгла лямки, вот рюкзак и свалился с меня и дал мне возможность выпрямиться. А дальше были скалы, скалы, скалы, снег и лед. Но я ведь неплохой альпинист, все преодолел. Уж очень хотелось выжить, чтобы еще раз заглянуть в глаза Валере и Лене и увидеть в них страх».

– Так для этого ты бродишь по ночам и заглядываешь в лица несчастным туристам и альпинистам? Ведь это ты – «Черный альпинист»?

– Грешен, признаюсь. Но я никого не обидел, да и любимых глаз не нашел. Но искать буду, пока не найду.

– Будешь мстить?

– Да, этого требует обычай моих предков. Предательство должно быть наказано.

– И Лене тоже?

– Мужчины моего народа с женщинами не воюют. Лену я простил, хоть она тоже виновата передо мной.

– Так что же ты ищешь ее среди девушек по ночам, пугаешь их?

– Я люблю ее. Забыть не могу. Знаю, что нужно, но не могу ничего с собой сделать. Мужчины моего рода всегда любили только одну женщину.

– А ты знаешь, что Лена вышла замуж за Валерия и у них родился мальчик?

Реваз с недоверием посмотрел на меня, подошел ближе, заглянул в глаза.

– Нет, не обманываешь. Что же мне делать? Я не оставлю мальчика без отца, а любимую женщину без мужа. Но если я не отомщу за предательство, то меня не поймут мои родственники, отвернутся односельчане. Мне приклеют ярлык труса и слабака, и путь к моим стареньким родителям будет заказан.

– Но ты для всех, кто тебя знал, умер. Валерий и Лена тоже

уверены в этом. Уедь за рубеж в любую горную страну. Ты классный альпинист, без работы не останешься. А там, глядишь, создашь семью, заведешь детей и будешь из них растить мастеров альпинистского спорта.

– Пожалуй, ты прав, другого выхода нет. Я подумаю.

Реваз приоткрыл полог палатки, в которой спала раненая девушка, сел на корточки возле нее и застыл, глядя на бледное лицо той, кому подарил вторую жизнь. Его губы беззвучно шевелились, наверно он читал молитву...

Небосвод на востоке стал светлеть, и самые высокие вершины гор окрасились в розовый цвет. Реваз подошел ко мне, протянул обе руки.

– Ну, что ж, прощай дружище. Я воспользуюсь твоим советом, легенда о «черном альпинисте» сегодня умрет. Побеспокойся о девушке, которую я спас. Не знаю, почему, но она мне стала родной.

И Реваз вприпрыжку помчался по тропе вниз.

А восходящее солнце уже окрасило все вершины гор в цвет спелого персика. И в мелодию пробуждающегося дня вплелись аккорды песни вертолетных двигателей...»

Окончив рассказывать, я посмотрел на лица моих туристов. Они выражали целый спектр человеческих чувств. Девчонки вытирали слезы, смешанные с цветными тенями. Юноши переживали сдержано, устремив взгляды в дальнюю даль. Юморных туристских песен у костра не пели. Ночью все спали спокойно. Дух «Черного альпиниста» никого не беспокоил.

ПОСЛЕСЛОВИЕ.

С тех пор прошло немало времени. Много забылось, ушло в прошлое. Но иногда нет-нет и прозвучит у туристского костра: «говорят, здесь по ночам бродит «Черный альпинист». Живет легенда!

БАЛЛАДА О ТЕПЛЕ

- 1 -

Над центральным Тянь-Шанем три дня бушевала пурга.
Обезумевший ветер метался по диким ущельям,
Где ни разу еще не ступала людская нога,
И где не было мест для тепла и для жизни веселья.

А когда снегопад все запасы свои исчерпал
И умерил свой пыл ураган, затихая на время,
Застучал вдруг бедою морзянки певучей сигнал,
Поднимая с постелей спасателей славное племя,

Где-то там потерялся студентов-туристов отряд,
Не вернулся в назначенный срок на родную турбазу.
Их следы поглотил новый длительный снежный заряд...
Несмотря на пургу, люди вышли на поиски сразу.

- 2 -

Мы искали их долгих четыре дня.
Над горами мела непогода.
Мы искали их долгих четыре дня,
А, казалось, четыре года.

Мы обшарили все ущелья подряд,
Рискуя сорвать лавины.
И десятки осмотренных горных гряд
Устало сгибали спины.

И вот остался один перевал –
Последняя наша надежда.
Быть может, он их на вершину позвал,
Ведь звался он красочно: «Снежный».

Внизу, на подъеме, на выступах скал
Обрывок палатки – знаменем!
Как тех, кого ищем, прощальный сигнал
Вспыхнул вдруг ярким пламенем.
Шаг за шагом исследуем склон,
Движемся медленно к седловине...
Рванулся навстречу наш тяжкий стон
Открывшейся там картине.

На скате подветренном, вмерзшие в снег,
Отбросив мизер надежды,
Лежали они, озадачив нас всех,
Совсем без теплой одежды.

Стоим и молчим, не можем понять
В чем причина такого?
Кого в их гибели обвинять:
Мороз? НЛО? Духа злого?

Будут горы тайну хранить...
Пора за работу браться.
Нужно ребят откопать, спустить,
Всех опознать постараться.

Мы работали до темна,
Снимая тела-ледышки.
Сердце щемила нам мысль одна:
«Ну, что же вы так, мальчишки?»

Потом всю ночь, ожидая рассвет,
Мерзли в мешках пуховых.
А утром нашли на вопрос ответ
В найденных фактах новых.

Как оказалось при свете дня,
Лелея на жизнь надежду,
Мальчишки легли, подстелив под себя
Свою меховую одежду.

Еще оказалось, что среди тел,
Снятых с высот перевала,
Судя по списку, что уцелел,
Все ж одного не хватало.
Не одного, а вернее одной –
Девушки, в списке единственной.
Где же она обрела свой покой
В этой долине таинственной?

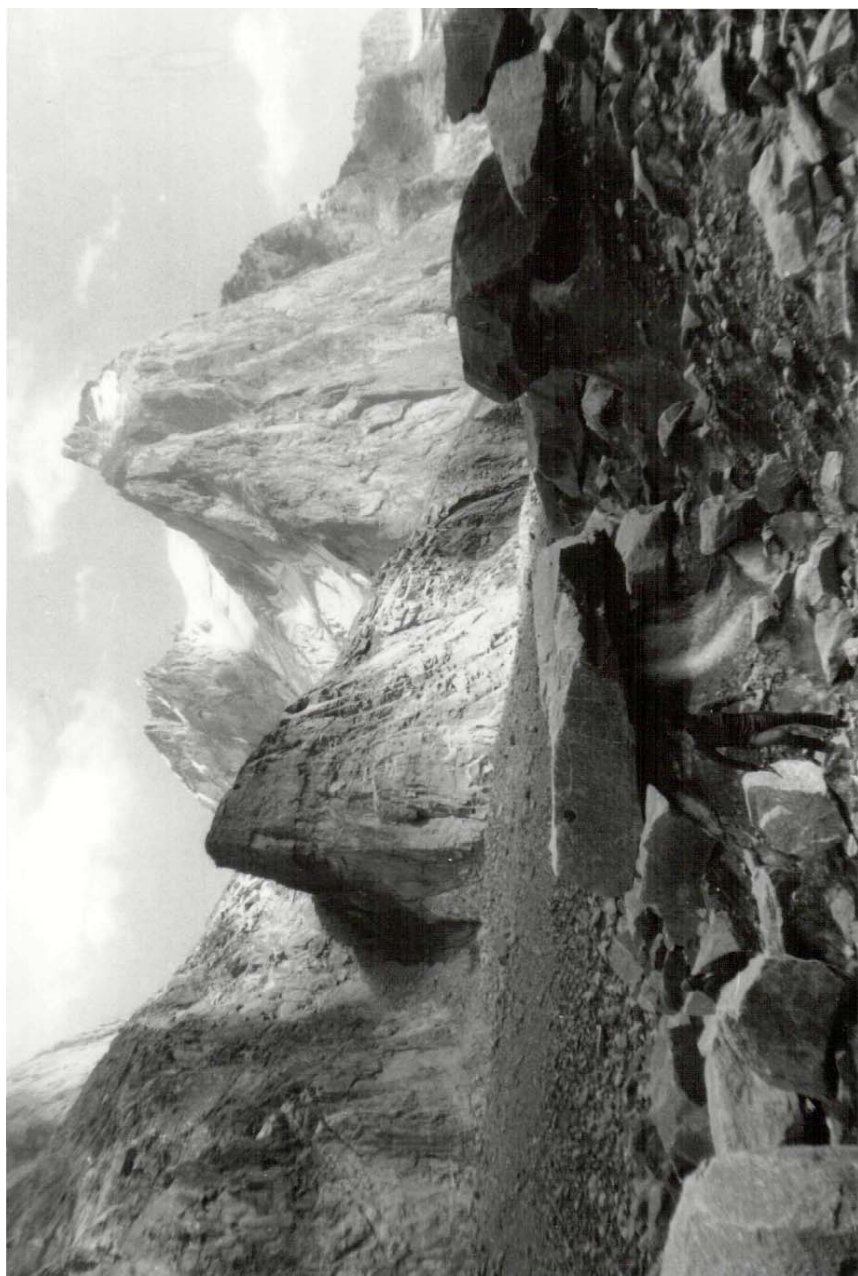
И раскопав теплых курток слой,
Над чем потрудились немало,
Мы обнаружили тело той,
Которой как-раз не хватало.

Одетая в несколько свитеров,
Под грудой курток и спальников,
Жизнь девичья, смерть поборов,
Теплилась свечою маленькой.

Солнце пробилось сквозь тучи враз,
Вспыхнули грани вершин-агатов,
Льдинки-слезинки сверкнули у глаз
Крепких спасателей бородатых ...

- 3 -

Так повелось со времен Прометея:
Жар подаренного нам огня
Другим отдаем, ни о чем не жалея,
Даже в минуты последнего дня.

В царстве безымянных вершин

ХАЗОР-МЕЧ – ЗАПОВЕДНИК НЕПОЗНАННОГО

(рассказ)

Эта загадочная долина спряталась среди отрогов Гиссарского хребта Памиро-Алая совсем рядом с озером Искандер-Куль, да так хорошо замаскировалась, что ее пропустили топографы, снимая карту местности, а многочисленные туристы, идущие от озера на перевал Ангишт, равнодушно проходили мимо: ну кого привлекут невысокие холмы, поросшие скудной травой? И никто не любопытствовал: а что за ними? А за ними лежит огромная горная страна с пятитысячными вершинами и могучими ледниками, дающими жизнь реке Хазор-Меч, и холмы эти просто закрывают вид с тропы от взглядов равнодушных людей.

Река Хазор-Меч на большом протяжении течет по ровному дну долины, принимая три притока слева, затем уходит в узкий каньон километровой глубины и впадает в озеро Искандер-Куль. Потому и зовется река (в переводе): «Узкое глубокое ущелье». Местность дикая, неизвестная, неосвоенная человеком. Этаким уголок первозданной природы. Стоят высокие вершины, не имеющие названий, в ожидании своих первовосходителей. Не имеют имен и мощные ледники, на которые еще не ступала нога исследователя. Верховья долины граничат с местностью, еще более дикой, и зовется она «Сиамой». Сиама имеет дурную репутацию: люди, вошедшие в нее, как правило, не возвращаются, исчезают бесследно. А Хазор-Меч таит в себе неразгаданные тайны, будоражащие умы людей вот уже много десятилетий. С этими

тайнами мне пришлось соприкоснуться при посещении Хазор-Меча в 1990 году.

В верховьях первого снизу притока мы обнаружили армейскую палатку и пасущихся гиссарских овец. И вскоре мы стали дорогими гостями пастуха Хакима. Юноша вернулся после службы в армии в родное село Мокшеват и решил жениться. Но нужно было заработать деньги на выкуп невесты у родителей. Таков обычай его народа. А заработать деньги было возможно, только став пастухом. Но пока Хаким добирался из армии домой, все колхозные стада и малочисленные пастбища были разделены между другими пастухами. Тогда Хаким нанялся пасти скот своих односельчан. Но не было пастбища, и он повел овец в Хазор-Меч, несмотря на строжайший запрет мусульманскими священниками посещать эту долину.

– Знаешь, Юра, аллах вчера наказал меня, за то, что я ослушался муллу и нарушил его требование не ходить в это место, – пожаловался при чаепитии Хаким. Я был весь внимание, и юноша продолжил:

– Загнал я вчера вечером овец за изгородь и пошел в палатку пить чай. А тут слышу: собаки зло залаяли. Взял ружье и вышел из палатки. Смотрю, у изгороди собаки кого-то атакуют. Думал, медведь, их тут много. А подошел ближе – нет, не медведь, а он.

– Кто он? – перебил я Хакима, что-то предчувствуя.

– Гульби-Яван, – торжественно ответил парень.

Гульби-Яван – так называют таджики существо, которое мы зовем «Снежным человеком». Поэтому у меня вырвалось

восклицание – вопрос:

– Снежный человек?

Хаким недоуменно посмотрел на меня, и я понял, что это название ему незнакомо.

– Да, дикий человек, совсем дикий Гульби-Яван, мы его так зовем.

– Расскажи, какой он? – попросил я, и этот малограмотный таджикский горец, явно не читавший научную книгу профессора Бориса Поршнева «Реликтовый гоминоид», описал это существо, как и Поршневу, изучавший «Снежного человека» в течение многих лет: трехметровый рост, все тело заросло шерстью, кроме лба, щек, ладоней и стоп. Прямое хождение. Отсутствие членораздельной речи. В общем, смесь черт человекообразной обезьяны и первобытного нашего предка.

Рассказ Хакима подтвердил существование Гульби-Явана. Дальше события разворачивались так:

– Когда Гульби-Явану надоело отмахиваться от моих собак, – продолжил рассказ Хаким, – он поднял большой камень и ударил им по голове самую активную собаку. Остальные, поджав хвосты, разбежались. А Гульби-Яван посмотрел на меня, потом открыл ворота изгороди, взял на плечо двух самых больших баранов и медленно пошел вверх по долине, где он живет.

– Хаким, – воскликнул я, – у тебя же было ружье в руках, стрелял бы.

Парень даже подпрыгнул от возмущения:

– Юра, ты что? Мулла говорит: «Нельзя обижать Гульби-

Явана». А ты – «стрелял бы».

– Ну, не в него, а в воздух, – поправил я свой совет.

– Нельзя, Юра! Гульби-Яван мог испугаться. Нельзя! – Хаким был явно возмущен моим непониманием.

– Баранов мне для него не жалко, ему тоже что-то есть надо. Только придется мне за них платить хозяевам. А значит, заработка моего на калым за невесту не хватит. И не жениться мне в этом году, кто-то другой мою невесту купит. Вот так Аллах наказал меня за слушание.

А когда Хаким узнал, что завтра с утра я уйду вверх по долине снимать кино, стал отговаривать меня, говорил, что Гульби-Яван не любит, когда к нему кто-то приходит, что меня накажет Аллах за слушание.

В конце-концов, я убедил Хакима, что Аллах не сможет меня наказать, так как я другой веры. И мы пошли вверх.

Сначала поднимались по ровному дну долины со спокойной речкой. А потом вдруг путь преградил обвал из гигантских камней. После долгого лазания среди каменных глыб мы вышли на небольшую площадку и остолбенели. Даже глаза зажмурили, чтобы прогнать видение. Но видение не исчезло: перед нами открылся фантастический вид на... вершины причудливой формы, таких я еще не видел: с голубыми ледниками, сложенные из разноцветных горных пород. Пейзаж был явно неземным, напоминал декорации из американских фантастических фильмов о космических путешествиях. Над нами было совершенно безоблачное темно-синее небо и яркое солнце. Мы достали аппаратуру из рюкзаков и

приготовились снимать. В то же время мгновенно между нами и открывшимся пейзажем упал густой туман, и на нас обрушился проливной дождь с крупным градом. Прикрывая собой аппараты, мы бросились под нависающую каменную плиту. Полтора часа мы простояли под плитой, пережидая ливень, а он все шел и не думал стихать. Нужно было уходить вниз, чтобы до темноты спуститься к палатке Хакима. И мы пошли под ливнем. Когда спустились до того места, где хаос гигантских камней скрыл от нас пейзаж верховий, дождь сразу же прекратился, и на синем небе засияло яркое солнце.

– Что ж, ребята, – обратился я к своим спутникам, – видно Гульби-Яван и вправду не любит, когда к нему приходят чужие.

Хаким встретил нас с неприкрытой радостью. Убедился, что все мы живы и здоровы, напоил нас чаем из горных трав с бараньим жиром для предупреждения простуды, а потом долго молился, выпрашивая у Аллаха прощение нам за нашу вылазку во владения Гульби-Явана. Через два дня произошли события, которые подсказали мне, что в «отключении» нашей кинофотосъемки «голливудского» пейзажа в верховьях первого притока Гульби-Яван совсем не причем.

Мы стояли тогда у ледника второго притока. Вечерело. Над седловиной перевала справа от нас висел тоненький серпик родившегося месяца. Пролетел спутник связи, и мы, как всегда, проверили по нему часы. Было 9 часов вечера по московскому времени. Мы уже собрались расходиться по палаткам, когда кто-то из ребят воскликнул:

– Смотрите, какая луница полная восходит!

– Ты что, какая полная, мы же только что видели новорожденный месяц, – попытался я остудить фантазию говорящего.

– А Вы посмотрите налево, – раздался тот же взволнованный голос из темноты...

Я обернулся налево и обомлел: из-за черных зубцов горного хребта медленно выплывал огромный прозрачный шар, диаметром в 1,5 раза больше полной луны у горизонта.

Шар завис над хребтом, и вдруг стал вытягиваться в «колбаску», а затем, как-будто кто-то острым ножом ее разрезал на 6 частей, и каждая превратилась в шарик меньшего размера. Шарики повисели несколько секунд, а потом пересекли темный небосвод каждый в своем направлении и скрылись за горными хребтами.

Некоторое время мы молча переживали увиденное, а затем посыпались вопросы ко мне.

– Ребята, – сказал я торжественно, – вы были свидетелями старта НЛО. Вероятно, где-то здесь, в Хазор-Мече, или в соседней Сиаме, находится их космодром. Это они не дали нам снимать в верховьях первого притока, наверное, там были какие-то их объекты.

На следующий день мы прошли дальше вверх по долине и заночевали. Уже пролетел спутник связи и проверены часы, а мы не уходили в палатки. Ждали... И все повторилось снова, только «колбаска» на этот раз образовала не шесть, а четыре более

крупных шара, чем вчера. И все они разошлись по своим направлениям.

В истоках третьего притока мы увидели гигантский ледопад 600-метровой высоты, перегородивший верховья долины. И, конечно, нам захотелось потрогать его руками. Более жутких ощущений я еще не испытывал. Во-первых, холодина ужасная: в морозильной камере хорошего холодильника куда теплее. Во-вторых, что-то зловещее здесь чувствовалось во всем: и в толпе гигантских вершин, и в огромных, величиной с 3-х этажный дом, обломках скал, даже целых вершин, свалившихся сверху и впаянных в лед. Вы даже не представите, как мы себя чувствовали в обществе этих гигантов.

И мы поспешили уйти отсюда, туда, где зеленеет, хоть и скудная травка и пенится бурный поток ледниковой воды!

По дороге вниз мы осмотрели остатки вертолета, о котором писал Н. В. Пагануцци.

Трагическая история вертолета связана с научной экспедицией, в которой участвовал Николай Васильевич. После долгих попыток подняться по скалам и ледяной стене 600-метрового ледопада, чтобы узнать, что находится за ним, ученые решили использовать для этих целей вертолет. Во время подъема вдоль ледопада пилот все время вел радиопереговоры с оставшимися в базовом лагере наблюдателями. Последними его словами были: «Ну, вот, еще метров 10-15, и мы заглянем за эту чертову стенку». Затем вертолет падает вниз, и все, кто был в нем, погибают, так и не узнав, что таит за ледяной стеной этот приток

ущелья Хазор-Меч.

В завершении нашего маршрута мы планировали взойти на перевал Газнок, что лежит на плече пика Газнок – высшей вершины Гиссарского хребта. С перевала, как описал первый исследователь Хазор-Меча Николай Васильевич Пагануцци, открывается великолепный вид на горы Сиамы. И мы хотели на них посмотреть. Но рано утром ни один участник отряда не смог встать на ноги, чтобы идти на перевал. Я один был «в форме», и сразу же понял, что это проделки инопланетян, которые «отключили моих детей», оставив меня «в норме», считая, что я на перевал без детей не пойду. Ребятам я, конечно, об этом не сказал, а объяснил их состояние сильным утомлением и большой высотой над уровнем моря. И такая злость меня взяла, что я решил один сходить на перевал. Ребятам я предложил отдыхать, набираться сил, чтобы завтра с утра начать спуск в родное село Хакима – Мокшеват, а оттуда – домой.

В верхней части долины, параллельно Главному Гиссарскому хребту протянулся более низкий хребет, образуя «коридор». По этому «коридору» и шел путь на перевал Газнок. В начале «коридора» находилось красивое зеленое озеро. С противоположного берега прямо в озеро сползал могучий ледник. Было раннее утро, все камни на леднике еще не разморозились. Но как только я пошел вверх вдоль озера, они стали падать в воду, обдавая меня водой то спереди, то сзади. Когда я ступил на песчаный участок, чуть дальше от озера, камни стали перелетать через озеро, падая то впереди меня, то сзади. Стоило мне пройти

дальше от озера, как камни с ледника падать перестали. Но на пути стало новое препятствие мелкоосыпной склон, залитый натечным льдом. Горные ботинки на таком склоне не держали, «кошки» альпинистские тоже, и я постоянно съезжал вниз. Выручил небольшой скальный хребтик слева, выходящий прямо на перевал.

По нему я и поднялся на седловину. Вид на Сиаму потряс меня своей первозданностью. Надо мной ярко светило солнце на темно-синем небе. Но как только я достал из рюкзака аппаратуру, Сиаму заслонил от меня густой туман, а на меня обрушился ливень с крупным градом.

Я начал спуск вниз, и когда вид на Сиаму скрылся за гребнем хребта, на синем небе снова засияло яркое солнце.

Ребята меня встретили бодрыми и веселыми, сообщив мне, что силы вернулись к ним, как только я скрылся за поворотом долины.

Вот так я прикоснулся к загадкам века в таинственной долине Хазор-Меч, гигантской трещине земной коры.